

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра русского языка

Выпускная квалификационная работа на тему:

АНТРОПОНИМЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТАХ
XVII–XVIII ВЕКОВ: СТРУКТУРНЫЙ, СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Направление 032700 «Филология»

Выполнил: студент

Дмитрий Константинович Филиппов

Научный руководитель:

Доцент, кандидат филологических наук,

Светлана Андреевна Аверина

Рецензент:

Профессор, доктор филологических наук,

Татьяна Всеволодовна Рождественская

Санкт-Петербург

2016

Содержание

Введение	3
Глава 1. Материал исследования. Антропонимика как раздел ономастики	5
1.1. Историко-культурная и источниковедческая характеристика летописей.....	5
1.2. Характеристика Двинского летописца	10
1.3. Характеристика Холмогорской летописи.....	14
2.1. Антропонимика как раздел языкознания, основные положения и сведения.....	17
2.2. Основные этапы истории изучения русской антропонимики.....	21
2.3. Некоторые черты языковой ситуации второй половины XVII – начала XVIII века	25
Глава 2. Антропонимия севернорусских летописей в структурном, социолингвистическом и функциональном аспектах	28
1.1. Предварительные замечания.....	28
1.2. Структурный аспект исследования антропонимов	31
1.3. Социолингвистический аспект исследования антропонимов	43
1.4. Функциональный аспект исследования антропонимов.....	72
2.1. Антропонимы севернорусских летописей в контексте эпохи	76
Заключение	78
Библиография	79

Введение

Антропонимика – это раздел ономастики, изучающий антропонимы, т.е. имена людей. Антропонимикой занимались многие русские ономасты, такие как В.Д. Бондалетов, С.И. Зинин, А.В. Суперанская, Н.М. Тупиков, В.К. Чичагов, Ю.И. Чайкина, С.Н. Смольников, О.И. Фоякова и другие. Русская историческая антропонимика относится к разделу истории русского языка, а ее задачей является всестороннее изучение различных антропонимических систем с учетом особенностей развития конкретных территорий.

XVII-XVIII века – переходный период от древнерусской литературы к литературе нового времени. Этот период интересен с точки зрения формирования и становления личных имен, фамилий, отчеств, прозвищ, стандартизации различных формул именованя лиц и т.п. Исследование региональных антропосистем этого времени может помочь в реконструкции языка, изучении диалектов и уточнении представления о составе древнерусской лексики. Особенный интерес в этом отношении могут представлять севернорусские летописи, послужившие материалом исследования – Двинская и Холмогорская.

Актуальность исследования обосновывается тем фактом, что антропонимический материал в этих летописях представлен полно и разнообразно, с его помощью можно получить сведения, которые позволят уточнить представление о составе лексики периода XVII-XVIII веков. Также на материале севернорусских летописей можно проследить за соотношением структуры именованя и социального статуса именуемого.

Целью исследования является рассмотрение антропонимического материала, представленного в севернорусских летописях, и его описание в структурном, социолингвистическом и функциональном аспектах.

В соответствии с поставленной целью, предполагается решение следующих задач:

- 1) выявить антропонимический фонд севернорусских летописей;

2) провести структурный, социолингвистический и функциональный анализ единиц;

3) охарактеризовать антропонимы с точки зрения их функционирования в тексте.

При описании антропонимов предполагается применение следующих методов: описательного, сопоставительного и классификационного.

Глава 1. Материал исследования. Антропонимика как раздел ономастики

1.1. Историко-культурная и источниковедческая характеристика летописей

Летописью называют особый вид исторического повествования, разделенного по годам¹.

Летописи имели большое значение на Руси – туда записывались важнейшие события, произошедшие в мире, и именно благодаря летописям мы можем получить ценные сведения о прошлом нашего народа. Русские летописи являлись основными письменными историческими источниками по истории России допетровского времени². М.Н. Тихомиров отмечает, что «летописи являются своего рода сокровищницами исторических и литературных сочинений прошлого»³.

Таким образом, изучение летописей становится одним из необходимых условий понимания прошлого⁴.

В летописях встречаются различные типы повествования. И.П. Еремин выделяет пять форм летописного повествования: 1) погодная запись; 2) летописное сказание; 3) летописный рассказ; 4) летописная повесть; 5) документы из княжеских архивов⁵.

В Двинском Летописце преобладает первый тип – погодная запись, где выделяются такие характерные черты, как предельная краткость изложения, небольшой объем, документальность, стилистическая аморфность (погодная запись лишена эмоциональности)⁶. Погодная запись «регистрирует смерть того или иного князя, митрополита, игумена; рождение у князя сына или дочери, основание церкви, те или иные стихийные бедствия: пожары, засуху, землетрясения, половодья и пр. <...> Как правило, сфера погодных известий – единичные факты, интересные с точки зрения летописца и заслуживающие

¹ Тихомиров М.Н. Русское Летописание. — М., 1979. С. 7.

² Зиборов В.К. Русское летописание XI-XVIII веков. — СПб., 2002. С. 5.

³ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 8.

⁴ Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. — М., 1969. С. 500.

⁵ Еремин И.П. Лекции по древней русской литературе. — Л., 1968. С. 52.

⁶ Там же.

упоминания, но не требующие подробного изложения в форме развернутого рассказа»¹. Такая форма изложения оказывается наиболее продуктивной для исследования (именно в этом типе летописного повествования можно ожидать большое количество антропонимов, ведь фактографичность содержания обеспечивает то, что указывается точная дата события, место происшествия, «обстоятельно перечисляются все участвовавшие в нем лица – по именам»²).

В Холмогорской летописи основным типом также является погодная запись – на это нам указывает характерное оформление памятника, где с помощью устоявшихся формул четко проставляются даты происходящих событий («погодная запись вводится в повествование обычно традиционной формулой»³). Вместе с тем Холмогорская летопись в некоторой степени отличается от Двинского летописца. В Холмогорской летописи довольно часто встречается и другой тип летописного повествования – летописный рассказ, который характеризуется документальностью и непосредственностью, не претендующей на литературность, где помимо сухого изложения фактов присутствует также и некоторое развернутое описание события. Летописный рассказ является прямым отражением реальной действительности, в нем нет ничего выдуманного, сочиненного⁴. Однако, несмотря на некоторые различия, летописный рассказ очень близок погодной записи: «как и погодная запись, он всегда строго фактографичен (указывается дата события, обстоятельно перечисляются все участвовавшие в нем лица), рассказу свойственна протокольная конкретность описаний, суховатая деловитость тона»⁵. Таким образом, этот тип летописного повествования также может быть признан весьма продуктивным для исследования, так как в нем сохраняются такие важные характеристики, как точность, документальность и фактографичность.

¹ Еремин И.П. Указ. соч. С. 52.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же.

Жанр летописания развивался в течение восьми веков (XI-XVIII вв.) и занимал центральное место среди жанров древнерусской литературы¹. Это объясняется тем, что такая форма позволяла соединять источники самого разнообразного характера и создавать большие исторические произведения². При этом летописание XV-XVII веков отличалось от летописания ранних времен – появлялось большое число региональных летописей (это относится и к нашему материалу исследования – Двинскому Летописцу и Холмогорской летописи), большее внимание уделялось событиям местного значения, появлялись летописные повествования, имеющие черты жанра повести, часто авторского повествования.

Летописи велись во многих городах Руси, описывая события как регионального масштаба, так и общерусского. Количество русских летописей очень велико – до наших дней дошло свыше 5000 летописных памятников. И.П. Еремин указывает, что «ни одна европейская литература не обладала таким количеством летописей»³.

Летописи часто составлялись по поручению князей, игуменов или епископов, но также могли составляться и по личной инициативе⁴. Часто летописи имели политическую направленность, отражая отношение князей к каким-то событиям, однако летописцы «отнюдь не всегда слепо шли на поводу у своего «заказчика» и нередко проявляли независимость мысли, отражая точку зрения широких народных масс на те или иные события»⁵. Так или иначе, «политическая острая летопись постоянно служила своеобразным ориентиром в политической жизни городов, княжества, а затем и русского государства в целом», и, кроме того, нельзя отрицать, что «она была средством политического воспитания общества, складывалась как памятник политической жизни и служила важным дипломатическим документом»⁶.

¹ Еремин И.П. Указ. соч. С. 36.

² Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 7.

³ Еремин И.П. Указ. соч. С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М-Л., 1947. С. 9.

В основном, летописи велись в виде погодных записей, каждая из которых начиналась словами «в лето»¹. Однако погодное ведение летописи не всегда соблюдалось строго. Н.Г. Бережков отмечает, что «очень часто летописная статья не ограничивается изложением событий одного года, соединяет под одним обозначением года события двух, а иногда и больше, чем двух годов»².

Нередко в летописях давались развернутые рассказы или повести о каких-то значимых событиях, представляющие особый литературный интерес. В Холмогорской летописи такие рассказы нередки, автор зачастую уделяет какому-то событию большое внимание, описывая эпизод предельно полно и точно и наполняя его всевозможными подробностями.

В других же случаях летописец просто ограничивается сухим перечислением наместников или воевод, сменяющих друг друга в каком-то определенном крае (что хорошо прослеживается на примере Двинского летописца).

Авторами летописей преимущественно были монахи, прошедшие специальное обучение у мастеров этого дела (однако не всегда можно сказать точно, кто был автором летописи, так как летописцы не имели обычая указывать свои имена)³. В.К. Зиборов считал, что летописцы вносят вклад в формирование русского самосознания, когда записывают погодные известия в летопись. Он говорил, что «роль представителей церкви <...> бесспорна: монахи и священники, игумены и пономари, часто не указывая своих имен, создавали правила земной жизни русских людей, иногда воплощавшиеся в отточенные идеологические постулаты, которые остаются актуальными и в наше время»⁴.

Важность летописей поистине велика: они не только помогают восстановить древнерусскую историю, но также имеют колоссальное

¹ Зиборов В.К. Указ. соч. С. 5.

² Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. — М., 1963. С. 14.

³ Еремин И.П. Указ. соч. С. 36.

⁴ Зиборов В.К. Указ. соч. С. 6.

значение для изучения истории славянских языков, так как «живой некнижный язык господствует на страницах летописей, в особенности там, где передаются разговоры или описываются те или иные местности»¹.

Почти за 300 лет изучения летописей (изучение летописей было начато еще в XVIII веке В.Н. Татищевым) ими интересовались такие ученые как А.А. Шахматов, М.Д. Приселков, Д.С. Лихачев, М.Н. Тихомиров, В.К. Зиборов и многие другие. На сегодняшний день в области изучения летописей ученые продвинулись довольно далеко: «в общих чертах обрисована деятельность многочисленных летописных центров, собран и издан большой фактический материал, воссоздана предварительная история за весь этот период»².

Подводя итог, можно сказать, что летописи ценны как для историков, так и для литературоведов, лингвистов и фольклористов, а проблема изучения русских летописей – это комплексная проблема, интересная не только для русской культуры, но и для истории мировой культуры³. Заканчивая рассмотрение летописного жанра, можно привести цитату Д.С. Лихачева: «Летопись была своеобразной энциклопедией средневековых исторических знаний. <...> На всем протяжении своей многовековой истории русское летописание было огромной движущей силой, формировавшей национальное сознание русского народа»⁴.

¹ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 9.

² Зиборов В.К. Указ. соч. С. 10.

³ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 9.

⁴ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 9-10.

1.2. Характеристика Двинского летописца

Двинской летописец – севернорусский памятник провинциального летописания, датируемый концом XVII – началом XVIII века. Текст, который является материалом исследования, носит заглавие «Летописец вкратце. Списано о двинских жителях, и о наместниках, и о судиях, и о воевоцких, и дьячих приездах». Изучение Двинского летописца началось с 1774 года, когда Г.Ф. Миллер опубликовал список, полученный от бывшего епископа Архангелогородского и Холмогорского Антония¹ (Антоний был епископом Холмогорским и Архангелогородским в 1770-1773 гг.²). Изложение событий в летописце Двинском начинается с XIV века и разделяется на три части заголовками, которые отражают три этапа политической истории Поморья: «борьбу за присоединение Двины к великому княжеству Московскому, правление московских наместников и, наконец, воеводское управление на Двине»³. Содержание летописца во многом уникально, там встречаются оригинальные факты, неизвестные по другим источникам⁴.

Текст Двинского летописца, представленный тремя редакциями, сохранился в 14 списках, которые находятся в Москве, Санкт-Петербурге и Хельсинки⁵. Эти списки можно отнести к краткой и пространной редакции, из которых «первая представлена восьмью списками <...>; вторая – пятью»⁶.

Нам известна не вся рукописная традиция памятника: как указывает А.П. Богданов, в публикациях XVIII и XIX вв. было привлечено еще 4 неизвестных ныне рукописи, в то время как текстологическое сопоставление имеющихся списков заставляет выделить не менее 12 протографичных им рукописей 1677-1694 гг.⁷.

¹ Полное собрание русских летописей. Том 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. — Л., 1977. С. 6.

² Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. — СПб., 1877. С. 813-814.

³ Богданов А.П., Зиборов В.К. Летописец Двинской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 2: И — О / Отв. ред. Д.С. Лихачев. — СПб., 1993. С. 242.

⁴ Там же.

⁵ Полное собрание русских летописей. Том 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. — Л., 1977. С. 6.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ См. Богданов А.П. Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII в. Дис. ... канд. ист. наук (рукопись). — М., 1983. С. 84-91, 122-125.

Пространная редакция Двинского летописца была доведена погодными записями до 1677 г. Она создавалась в 1670-х гг. местными жителями¹. Можно отметить, что данная редакция отличается от последующих сведениями (там присутствуют многие факты, которые отсутствуют в последующих редакциях), однако там «нет характерных для позднейшей пространной редакции дополнений, а характер известий, язык и стиль изложения светские»². Также можно отметить, что текст конца 60-х и текст 70-х гг. XVII в. изобилует живыми деталями, доказывающими, что автор был непосредственным свидетелем событий³.

Выбранная нами в качестве материала исследования краткая редакция Двинского летописца составлена из восьми списков, события которых где-то дополняют друг друга, а где-то расходятся между собой. Списки, хотя и не восходят непосредственно друг к другу, позволяют практически полностью реконструировать основные этапы истории в тексте памятника⁴. Наиболее ранний список краткой редакции (БАН I), легший в основу издания как самый исправный и полный, доведен до 1682 года⁵. Этот список оканчивается подробным изложением событий, происходящих в столице и на Двине во время Московского восстания 1682 года; записи сделаны «на основе личных наблюдений и поступивших в Холмогорскую воеводскую канцелярию грамот»⁶. Возможно, самый ранний список Двинского летописца вышел из Холмогорской архиерейской канцелярии. Остальные списки используются в вариантах⁷.

Стиль изложения краткой редакции, как и пространной, носит светский характер: обилие бытовых деталей и подробностей, а также сохранение диалектных фонетических явлений широко представлены в тексте. Кроме

¹ Богданов А.П., Зиборов В.К. Указ. соч. С. 243.

² Там же. С. 244.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 245.

⁵ Полное собрание русских летописей. Том 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. — Л., 1977. С. 8.

⁶ Богданов А.П., Зиборов В.К. Указ. соч. С. 244.

⁷ Полное собрание русских летописей. Том 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. — Л., 1977. С. 8.

того, можно отметить, что в краткой редакции еще не представлены сведения по церковной истории¹.

Протограф краткой редакции Летописца Двинского составлялся «на основе новгородской летописи, двинских летописных записей (с 7038 по 7064 г. и с 1630-х гг.), документов воеводской канцелярии (в том числе объявительных грамот) и собственных наблюдений автора»².

Летописец Двинской имеет форму изложения, типичную для городского и провинциального летописания конца XVII-XVIII веков³. В начале, после заглавия, «следуют полулегендарные повести о древнейшей истории края, сменяющиеся редкими лапидарными заметками, с конца XVI – начала XVII в. переходящими в частые и подробные записи о деятельности центральной администрации, строительстве и других местных событиях»⁴. Важную часть в изложении событий занимает краткое описание деятельности воевод или наместников Двинской земли. Л.Л. Титов дает список воевод, управлявших Двинским краем с 1587 по 1705 года, состоящий из 58 имен, отмечая, что воеводы играли большую роль в жизни города, так как им принадлежала гражданская, судебная и военная власть⁵. Подобные рассказы о мероприятиях определенных воевод занимают большую часть краткой редакции Летописца Двинского. В некоторых местах погодное летописание сводится к описанию периодов деятельности определенных воевод и наместников.

Исследователи полагают, что как Двинской Летописец, так и Холмогорская летопись использовали один и тот же источник – общерусскую летопись, близкую к Летописи Вологодско-Пермской⁶.

В издании текста как Двинского летописца, так и Холмогорской летописи соблюдаются следующие правила: «правописание рукописи

¹ Богданов А.П., Зиборов В.К. Указ. соч. С. 244.

² Там же. С. 245.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 245-246.

⁵ Титов Л.Л. Летопись Двинская. — М., 1889. С. 13-15

⁶ Богданов А.П., Зиборов В.К. Указ. соч. С. 246.

сохраняется, за исключением букв і, ѳ, Ѧ, ѱ, ѿ, Ъ, ѿ, Ъ, ѿ, ѿ, которые заменяются соответствующими буквами современного алфавита; сочетание «оу» передается как «у». Буква «ь» сохранена только в середине слова; буквы «и» и «й» различаются <...>. Славянские цифры заменены арабскими; даты переведены на полях на современное летосчисление <...>¹.

Памятник представляет особый интерес для исследователей русской антропонимики, так как антропонимический материал в Двинском летописце представлен полно и разнообразно, а сведения, содержащиеся в нем, могут помочь уточнить представление о составе лексики периода XVII-XVIII веков. Кроме того, этот период особенно интересен для изучения, так как именно в это время происходит становление и стандартизация формул именования.

¹ Полное собрание русских летописей. Том 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. — Л., 1977. С. 9.

1.3. Характеристика Холмогорской летописи

Холмогорская летопись – памятник севернорусского летописания, составленный, предположительно, в середине XVI века. Эта летопись содержит «ряд известий по истории Русского Севера, Двинской земли и ее главного города Холмогор (Колмогор) и, очевидно, составлена в этом районе»¹. Холмогорская летопись сохранилась в двух редакциях – списке середины XVI века и списке второй половины XVII века. Исследователям и издателям долгое время был известен только один список летописи, датируемый второй половиной XVII века², по которому и публикуется Холмогорская летопись в томе 33 полного собрания русских летописей. Для издания в ПСРЛ этот список – единственный известный ранее и достаточно поздний – был использован с исправлениями и дополнениями, вносимыми по Вологодско-Пермской, Львовской, Типографской, Двинской летописям и другим источникам³, что не случайно. События Холмогорской летописи перемежаются с указанными источниками, которые, безусловно, использовал составитель Холмогорской летописи. Я.С. Лурье отмечает, что «как и большинство летописцев, составитель Холмогорской летописи был сводчиком, компилятором. Свод, составленный им на окраине Русского государства, опирался, очевидно, на довольно случайные, доступные холмогорскому летописцу источники, и не мог (да и не должен) был быть особенно полным и всеобъемлющим»⁴.

В Холмогорской летописи важное место занимают события, относящиеся к Русскому Северу. Особенно обильными они становятся в заключительной части свода, а кроме того, приобретают конкретную локализацию – речь идет о Холмогорах и Двинской земле⁵. Несмотря на это,

¹ Полное собрание русских летописей. Том 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. — Л., 1977. С. 3.

² Лаврентьев А.В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А.И. Мусина-Пушкина // ТОДРЛ. — Л., 1985. Т. 39. С. 323.

³ Там же. С. 329.

⁴ Лурье Я.С. Холмогорская летопись // ТОДРЛ. — М-Л., 1970. Т.25. С. 146.

⁵ Лурье Я.С. Летопись Холмогорская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Часть 2: Л — Я / Отв. ред. Д.С. Лихачев. — Л., 1989. С. 68.

летопись имеет общерусский характер, что подчеркивается ее заголовком: «Книга Летописец Киевский и Володимирский и Московский и всех русских князей...»¹. Как указывает А.В. Лаврентьев, «общерусский характер летописи и обилие использованных, в большинстве своем не местных материалов необходимо связать с деятельностью в Холмогорах приезжих лиц»².

Я.С. Лурье отмечает творческое отношение холмогорского летописца к своему материалу и его стремление осмыслить этот материал: «систематически и последовательно составитель Холмогорской летописи вставляет в свой свод генеалогические данные об упоминаемых князьях, указывая, что данный князь – сын, внук или брат другого (очевидно, более известного)...»³. Кроме того, составитель Холмогорской летописи «позволял себе иногда и заключения от одних фактов к другим – своего рода научные гипотезы»⁴.

В тексте Холмогорской летописи обнаруживаются сведения, не отмечающиеся в других источниках. Наиболее обильны подобные известия с конца XV – начала XVI века⁵.

Летопись начинается от сотворения мира и доводится до 1558 года. В заключительной части Холмогорская летопись «имеет общий источник с Двинским летописцем XVII – XVIII вв.»⁶. В Двинском летописце дублируются события Холмогорской летописи, начиная с 1553 года⁷.

Холмогорская летопись – ценный памятник истории и литературы Древней Руси. Она является важным источником изучения Русского Севера, а также русского летописания в целом.

¹ Лурье Я.С. Летопись Холмогорская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Часть 2: Л — Я / Отв. ред. Д.С. Лихачев. — Л., 1989. С. 68.

² Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 329.

³ Лурье Я.С. Холмогорская летопись // ТОДРЛ. — М-Л., 1970. Т.25. С. 147.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Там же. С. 149.

⁶ Лурье Я.С. Летопись Холмогорская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Часть 2: Л — Я / Отв. ред. Д.С. Лихачев. — Л., 1989. С. 68.

⁷ Лурье Я.С. Холмогорская летопись // ТОДРЛ. — М-Л., 1970. Т.25. С. 135.

Антропонимический фонд Холмогорской летописи представлен весьма богато и разнообразно, что делает этот памятник интересным для исследования.

2.1. Антропонимика как раздел языкознания, основные положения и сведения

Слово «антропонимика» произошло от греческого *anthropos* – человек, и *онупа* – имя¹. Антропонимика – это «раздел ономастики, изучающий антропонимы – собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрывааемые имена)»².

Личные имена, составляющие ядро антропонимики, с точки зрения происхождения бывают каноническими (закрепленные в церковных святцах и имеющие греческое, латинское, древнееврейское, славянское или иное происхождение, напр., Михаил, Петр, Сергей, Феофан и т.п.) и неканоническими (имеющие исконно славянское или уже – восточнославянское происхождение, часто идущие еще из языческих времен, а также заимствованные, преимущественно из тюркских языков напр., Ярослав, Святополк, Заяц, Любава, Алмаз)³. До X века на Руси использовались языческие имена, но с X века неканонические исконно русские имена стали заменяться христианскими. Долгое время неканонические имена бытовали в качестве личных имен наравне с новыми, христианскими, но позже, как указывает В.К. Чичагов, русские имена отошли на второй план и стали употребляться как прозвища, как имена необязательные⁴. В процессе образования прозвищ важную роль сыграл переход имен собственных в нарицательные (онимизация предметов и отвлеченных явлений). Он «осуществлялся через расширение значения первоначального понятия»⁵, в разнообразии прозвищ проявились «чрезмерное внимание к оттенкам характера личности, детализация

¹ Подольская Н.В. Антропонимика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. С. 36.

² Там же.

³ Белова Н.А. Личные собственные имена в памятнике деловой письменности (на материале Переписной оброчной книги Вотской пятины 1500 г.). Дипломная работа (рукопись). — СПб., 1997. С. 6.

⁴ Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. — М., 1959. С. 3.

⁵ Коваленко А.Ю. Имена собственные в псковской деловой письменности (на материале «Подлинной писцовой книги города Пскова и его окрестностей» (1585-87 гг.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2003. С. 1.

особенностей, градация личностных качеств»¹. Впрочем, «граница между ИС [именами собственными – *Д.Ф.*] и ИН [именами нарицательными – *Д.Ф.*] не абсолютна: ИН переходят в ИС и наоборот»².

Фамилии в их современном виде сформировались сравнительно поздно; их источниками были собственно отчества и прозвищные отчества³. Главное свойство фамилий – переход из поколения в поколение. Фамилией можно назвать наследственное семейное наименование. В.К. Чичагов подчеркивал, что «фамилия – это постоянный состав в наименованиях представителей известного рода»⁴. Фамилия представляла собой несколько измененную форму родовых прозваний, отличаясь от них тем, что «некоторые черты последних получают в них окончательное развитие»⁵, например, фамилия всегда согласовывалась с именем называемого, а также представляла собой постоянный состав в наименованиях представителей всех поколений⁶. Говоря о фамилиях, следует заметить, что «реконструкция современных фамилий свидетельствует о первоначальном многообразии грамматических и синтаксических оформлений фамильных образований, о том, что практически любая часть речи могла быть их производящей основой»⁷.

Отдельно в антропонимике стоит изучение формул именования людей, то есть «сочетание единиц ономастической номинации»⁸. В постоянную форму имени входит «определенный порядок следования антропонимов и имен нарицательных (этнонимов, названий родства, специальности, рода занятий, званий, титулов, чинов и т.п.)»⁹. Формула именования зависела от многих факторов – от контекста, от социального статуса лица, от его

¹ Коваленко А.Ю. Указ. соч. С. 1.

² Белова Н.А. Указ. соч. С. 9.

³ Подробнее об этом см.: Чичагов В.К. Указ. соч.

⁴ Чичагов В.К. Указ. соч. С. 110.

⁵ Там же.

⁶ См. там же.

⁷ Садохина Т.П. Структура, семантические особенности и орфография современных русских фамилий. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1981. С. 5.

⁸ Белова Н.А. Указ. соч. С. 7.

⁹ Подольская Н.В. Указ. соч. С. 36.

положения и т.п. Формула именования изменялась с течением истории и претерпевала серьезные изменения, пока, наконец, не достигла того вида, который имеет сейчас. «Современной русской антропонимической системе присуща трехкомпонентная антропонимическая формула (АФ): имя, отчество, фамилия»¹.

Историческая антропонимика на данный момент является актуальным направлением современных исследований. Изучая региональные антропонимические системы, историческая антропонимика добывает «ценнейшие сведения о развитии языка как официально-делового, книжного, так и живого, разговорного»², а также исследует имена собственные, которые имеют пространственно-временную отнесенность и «являются источником этнокультурной и социокультурной информации»³. Главной задачей исторической антропонимики считают «описание путей формирования общерусской системы именования»⁴. В исторической антропонимике можно выделить два направления, которые решают разные задачи и используют разные подходы к описанию материала: антропонимика ресурсов (изучение с точки зрения языковых ресурсов, которые используются для создания различных антропонимических номинаций) и функциональная антропонимика (изучение с позиции рассмотрения функционирования индивидуальных именований человека в речи и взаимодействия их с языковой и речевой средой)⁵. Антропонимика ресурсов разработана «достаточно разносторонне»⁶, в то время как «круг работ по функциональной исторической антропонимике достаточно невелик: это направление остается

¹ Соловьев А.Н. Смоленская антропонимия конца XVI – XVII вв. (личные имена). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Смоленск, 2005. С. 3.

² Дьякова Н.С. Изменение в системе именований жителей г. Устюжны Железнопольской в XVI-XVII вв. (по материалам сотных 1567, 1597 и 1626 гг.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2007. С. 3.

³ Там же.

⁴ Сидоренко Е.Ю. Система русской региональной антропонимии начального периода становления русского литературного языка (на материале памятников деловой письменности XVII в. г. Тобольска). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2005. С. 3.

⁵ Смольников С.Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI-XVII веков). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Вологда, 2005. С. 1.

⁶ Там же.

одним из приоритетных в отечественной ономастике»¹. В последнее время этой проблемой занимались такие ученые как С.Н. Смольников², И.А. Королева³, Н.В. Комлева⁴, Ю.И. Чайкина⁵, О.И. Фоякова⁶ и др.

Подводя итог, можно сказать, что изучение антропонимики очень важно и по сей день. Личные имена, благодаря своей подвижной структуре, отражают окказиональные речевые процессы, происходящие в конкретный отрезок времени⁷. Благодаря антропонимам «можно узнать о представлениях того или иного этноса о добре и зле, понять духовный мир, менталитет нации»⁸, а исследование региональных антропонимических систем «может <...> оказать содействие в реконструкции обиходного языка...» и «восполнить пробел в истории русского литературного языка и русской исторической диалектологии»⁹. Выводы, сделанные на основе антропонимических исследований, могут быть использованы в социальной лингвистике, лингвогеографии, истории, этнографии и многих других областях науки. Таким образом, «антропонимия представляет собой неисчерпаемый источник для изучения языка и культуры создавшего ее народа»¹⁰. Антропонимы – важный элемент языковой картины мира, и ее исторические трансформации отражают изменения в этно-национальном взгляде на мир в его языковом и речевом выражении.

¹ Неволлина А.М. История антропонимов в разных типах Тотемской деловой письменности конца XVI – XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2011. С. 3.

² См. напр. Смольников С.Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI-XVII вв.: функциональные категории и модальные отношения. — СПб., 2005.

³ См. напр. Королева И.А. Деловая письменность как основной источник изучения антропонимической лексики. — М., 2000.

⁴ См. напр. Комлева Н.В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI-XVII веков. Дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2004.

⁵ См. напр. Чайкина Ю.И. История вологодских фамилий. — Вологда, 1989.

⁶ См. напр. Фоякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. — Л., 1990.

⁷ Коваленко А.Ю. Указ. соч. С. 1.

⁸ Чайкина Ю.И. Смольников С.Н. История русских личных имен, отчеств и фамилий. — Вологда, 2001. С. 34.

⁹ Коваленко А.Ю. Указ. соч. С. 1.

¹⁰ Дьякова Н.С. Указ. соч. С. 3.

2.2. Основные этапы истории изучения русской антропонимики

Русская антропонимика как раздел ономастики, как наука – сравнительно молодая дисциплина. Еще в 1959 году В.К. Чичагов писал о том, что «русская ономастика, или наука о русских собственных личных именах, является <...> одним из отстающих от требований жизни и советского языкознания отделов науки о языке»¹. Позже, уже в 1967 году, В.А. Никонов продолжал отмечать, что «в нашей стране антропонимики как науки пока еще нет. Есть россыпь фрагментарных работ немногих разрозненных исследований»².

Только в последние десятилетия сформировалась антропонимика как наука – «становление русской исторической антропонимики происходит в 80-90 годы XX века»³. Предпосылок к формированию данной науки было множество – материалы памятников древней письменности (памятники религиозного содержания, народно-разговорного и делового языка, этнографические, фольклорные, диалектологические записи), а также материалы современных данных⁴. Однако и до сих пор русская антропонимика, по словам С.И. Зинина, «переживает <...> сложный переход от описаний частных закономерностей к обобщающим исследованиям»⁵. По этому поводу удачно высказался С. Роспанд: «после прекрасного старта славянской антропонимики для каждого из славянских языков все же не оказалось систематических работ описательного характера»⁶.

Большую роль в систематизации антропонимического материала сыграли антропонимические словари. Справочники Тупикова⁷, Морошкина⁸, Веселовского⁹, Срезневского¹ и других внесли немалый вклад в развитие

¹ Чичагов В.К. Указ. соч. С. 7.

² Никонов В.А. Личные имена в современной России. — Вопросы языкознания, 1967, № 6. С. 102.

³ Чайкина Ю.И. Смольников С.Н. Указ. соч. С. 33.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Зинин С. И. Введение в русскую антропонию (Пособие для студентов-заочников). — Ташкент, 1972. С. 228-229.

⁶ Роспанд С. Структура и классификация древневосточно-славянских антропонимов (имена). — Вопросы языкознания, 1965, № 3. С. 3.

⁷ Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — СПб., 1903.

⁸ Морошкин М. Славянский именослов или Собрание славянских личных имен. — СПб., 1863.

⁹ Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. — М., 1974.

русской антропониими. С.И. Зинин, подчеркивая значимость антропонимических словарей, указывает, что «словари личных имен нужно рассматривать не только как ономастические источники <...>, но и как дополнительный источник для характеристики словарного состава русского языка, который особенно будет полезен историкам и этимологам языка»².

На раннем этапе изучения русской антропонимией интересовались в первую очередь историки. Это объяснялось тем, что «в русском средневековом обществе личные имена были социально неравнозначны», а значит, «их характеристика была наглядной иллюстрацией социального расслоения русского общества»³. Исследуя личные имена, историки постигали особенности быта и нравов русского народа, устанавливали родословные и т.д.⁴.

В XIX веке антропонимические исследования расширяют свои горизонты. Во многом это объяснялось тем, что «развитие русского языкознания и особенно лексикографии требовали решить определенным образом вопрос о месте собственных имен в системе лексики русского языка»⁵. Выходит первая статья по русской антропонимии Е. Болховитинова «О личных собственных именах славянороссов» (1813), где автор занимается составом имен по происхождению, а также рассматривает обычаи «при крещении давать имена подобные святым»⁶. Однако по большей части материал работ этого времени имел описательный характер, в котором не учитывались закономерности, присущие русской антропонимической системе, «это был период накопления фактического материала»⁷.

В первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции наблюдается интерес к исследованию недавно образовавшихся, новых антропонимов, но «наряду с фиксацией новых антропонимов (имен и

¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. — СПб., 1893.

² Зинин С.И. Указ. соч. С. 240.

³ Там же. С. 229.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 231.

⁶ См. Болховитинов Е. О личных собственных именах. — Вестник Европы, М., 1813, ч. LXIX, С. 16-20.

⁷ Зинин С.И. Указ. соч. С. 233.

фамилий) и их социально-культурным и лингвистическим осмыслением обостряется интерес к прошлому русской антропонимии»¹.

Интерес к изучению русской антропонимии в XX веке сильно возрос, среди исследователей этого периода можно выделить таких деятелей, как А.М. Селищев, А.В. Суперанская, В.А. Никонов, В.Н. Топорова, С.И. Зинин, В.Д. Бондалетов и многих других. Исследователи вплотную занялись расширением проблематики и фактической базы антропонимических исследований, уточнением методов и принципов работы². Сформировались основные направления в изучении антропонимики: 1) общетеоретическое; 2) поэтико-стилистическое; 3) историко-лингвистическое; 4) прикладное³.

Также можно отметить пятое направление – изучение современной русской антропонимии, где рассматривается состав мужских и женских личных имен, «бытующих у русского населения в настоящее время»⁴. Кроме того, «современная антропонимика изучает состав современного именника (активные, пассивные имена), стремится определить основные и второстепенные тенденции его развития, предсказать, в каком направлении будет развиваться именник, раскрыть тайну формирования вкуса людей»⁵.

В последние годы XX века наблюдаются коллективные усилия в решении актуальных проблем, «что наглядно проявляется в проведении многочисленных ономастических конференций, совещаний, семинаров и в издании ряда сборников научных трудов»⁶.

В наше время изучение русской антропонимики продолжает развиваться, появляются всё новые антропонимические словари и справочники, создаются библиографии по русской антропонимике, печатаются статьи исследователей по изучению региональных антропосистем. В контексте развития подобных исследований можно

¹ Бондалетов В.Д. Русская ономастика. — М., 1983. С. 89.

² Там же. С. 91.

³ См. Зинин С.И. Указ. соч. С. 240.

⁴ Бондалетов В.Д. Указ. соч. С. 92.

⁵ Чайкина Ю.И., Смольников С.Н. С. 34.

⁶ Бондалетов В.Д. Указ. соч. С. 94.

указать, что данная работа продолжает изучение в этой области. Рассмотрение отдельно взятого региона помогает восстановить целостную картину русской антропонимики.

2.3. Некоторые черты языковой ситуации второй половины XVII – начала XVIII века

Стоит сказать несколько слов о языковой ситуации того времени, когда создавались тексты Двинского летописца и Холмогорской летописи.

Язык второй половины XVII – начала XVIII века знаменует начало нового языкового периода – это «время, когда закладываются основы русского национального языка»¹. В отличие от предыдущего периода, где отмечается отчетливая противоположность языков письменного и разговорного, с XVII века «разговорный язык получает доступ в письменность»². Кроме того, важно то, что начиная с XVII века прекращается дальнейшее членение языка на диалекты, и мы не наблюдаем образования и выделения новых диалектных групп в составе основных великорусских наречий³. Еще В.В. Виноградов указывал на то, что «В XVII в. русский литературный язык вступает в новую фазу своего развития. В нем усиливается процесс концентрации общенациональных элементов»⁴. Этот этап развития языка явился, по сути, переходным от старого литературного языка к новому литературному языку. Изменению подвергались в той или иной степени все уровни языка.

Как отмечает Н.А. Мещерский, «развитие и обогащение словарного состава русского литературного языка в XVII в. происходит особенно интенсивно»⁵. Он указывает, что рост лексики во многом объясняется вхождением новых слов из местных говоров, заимствованием слов из европейских языков, а также созданием новых слов⁶. В широкое взаимодействие с литературным языком вступает диалектная лексика.

В произведениях второй половины XVII века зачастую наблюдаются нарушения грамматических норм книжного языка, появляется

¹ Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). — СПб., 2005. С. 325.

² Там же.

³ Мещерский Н.А. История русского литературного языка. — Л., 1981. С. 127.

⁴ Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. — М., 1978. С. 36.

⁵ Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 127.

⁶ См. там же.

нелитературная лексика, а в синтаксисе возникают обороты, характерные для разговорного языка¹.

Как отмечает В.В. Виноградов, во второй половине XVII века «в традиционную книжную культуру речи врывается сильная и широкая струя живой устной речи и народно-поэтического творчества,двигающаяся из глубины социальных "низов". Обнаруживается резкое смешение и столкновение стилей и диалектов в кругу литературного выражения»².

Переходный этап от старого литературного языка к новому литературному языку характеризуется сочетанием новых элементов с традиционными, накоплением синонимических вариантов и избытком синонимических повторов³.

В области ономастики также можно выделить некоторые изменения. Например, «отсутствие устойчивых норм в лексике русского языка второй половины XVII в., а тем более устойчивых терминологических систем приводило к тому, что носители языка прибегали к разным языковым средствам при наименовании близких или даже одних и тех же реалий»⁴.

К началу XVIII века «противопоставление церковнославянского языка русскому осуществлялось преимущественно в сфере грамматики, а не лексики»⁵. Однако надо отметить, что литература, развивавшаяся на церковнославянском языке, обслуживала в основном придворные круги, высшее духовенство и учебные заведения, а другие слои населения (поместные дворяне, купцы, посадские люди и др.) использовали язык, близкий к деловым документам того времени, насыщенный «в разной степени, в зависимости от сюжета и стиля произведения, народно-разговорными чертами речи»⁶.

¹ См. Ларин Б.А. Указ. соч. С. 336.

² Виноградов В.В. Указ. соч. С. 39.

³ Ларин Б.А. Указ. соч. С. 337.

⁴ Чайкина Ю.И. История лексики вологодской земли (Белозерье и Заволочье). — Вологда, 2005. С. 108.

⁵ Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 134.

⁶ Там же.

Подводя итог, можно сказать, что накануне петровских реформ язык «приходит в живое и непосредственное соприкосновение с народным просторечием и с непринужденной диалектной речевой манерой, чтобы тем самым почерпнуть новые силы и возможности развития»¹. В этот период складываются общерусские грамматические и жанрово-стилистические нормы повествовательного языка, усиливаются различия между языком церковно-книжных, с одной стороны, и повествовательных и деловых памятников, с другой, а также сглаживаются диалектные особенности.

¹ Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 138.

Глава 2. Антропонимия севернорусских летописей в структурном, социолингвистическом и функциональном аспектах

1.1. Предварительные замечания

После подробного знакомства с теоретическим аспектом антропонимики, а также с материалом исследования, представляется целесообразным перейти к рассмотрению антропонимов севернорусских летописей в различных аспектах.

Прежде всего, следует сделать несколько замечаний по поводу терминологии, которая будет использована в данной работе. Общеизвестные термины применяются в следующем значении:

Личное имя (имя) – именование, которое присваивается человеку при рождении, под которым его знают в обществе.

Отчество – входящее в именование лица слово, обозначающее отца носителя имени.

Фамилия – наследственное именование, переходящее от поколения к поколению (от отца или матери к сыну или дочери, от мужа к жене или от жены к мужу).

Прозвище – именование, данное человеку в какой-то период его жизни по определенным причинам, под которым его знают в узком кругу общества. Прозвище не имеет официального статуса, оно предназначено для внутреннего использования, является непостоянным и носит оценочную коннотацию.

Необходимо сказать несколько слов по поводу рассматриваемого материала. Во-первых, была произведена полная выборка материала на определенном отрезке летописей, в ходе которой подверглись анализу антропонимы всей краткой редакции Двинского Летописца, а также сходного с ним по размеру фрагмента Холмогорской летописи. Был выбран такой фрагмент Холмогорской летописи, который наиболее хронологически приближен к событиям Двинского Летописца (самый конец Холмогорской

летописи). Общее количество единиц анализа – 400 единиц. В структурном и социолингвистическом аспекте учитывались только имена, отмеченные по первому употреблению в тексте (повторы, в которых могла изменяться структура имени, описывались исключительно в функциональном аспекте).

Во-вторых, к изучению не привлекались иноязычные именованья, так как при их обозрении следовало бы проводить этимологический анализ, а это выходит за рамки данного исследования. С точки зрения структуры, иноязычные имена сильно отличаются русских имен, поэтому классифицировать их не представляется возможным.

В-третьих, не рассматривались антропонимы с точки зрения происхождения имени (каноническое / неканоническое), потому что подобное рассмотрение увело бы наше исследование в сторону от намеченных задач и поставленных целей, а также не уложилось бы в очерченные границы работы. Кроме того, для рассмотрения не были привлечены имена библейских персонажей, упомянутых в тексте, так как для построения антропонимической картины эпохи был важен период наименования, в который библейские имена не укладывались.

В-четвертых, при выделении структурных типов антропонимов (в параграфе 1.2.), фамилии, прозвищные фамилии и прозвища были объединены в один класс и названы общим термином «фамилии», так как у нас нет достаточных аргументов, чтобы в некоторых случаях однозначно разграничить эти единицы. Провести границу, когда прозвища уже становятся фамилиями, в материале представленных летописей не представляется возможным. Как особую единицу мы выделяем «прозвища» только в тех случаях, где они присутствует в формуле именованья лица помимо фамилии: например, при полной формуле «Имя+Отчество+Фамилия+Прозвище» или в категории «Имя+Номинация по географическому признаку/Фамилия+Прозвище», потому что только там мы можем однозначно охарактеризовать эту часть антропонима как «прозвище». Для создания более дробной классификации (с учетом разделения прозвищ и

фамилий) необходимо более подробное рассмотрение темы с использованием других аспектов антропонимии, которые не входят в анализ нашей работы.

Также стоит отметить, что анализ формул русских именовании проводился на материале летописей (официальных документов), «так как жанры эпистолярный, художественной литературы характеризуются некоторым своеобразием построения встречающихся в них именовании лиц, определяемым как особенностями жанров, так и отношением к ним автора»¹.

¹ Зинин С.И. Указ. соч. С. 25.

1.2. Структурный аспект исследования антропонимов

Как отмечает В.К. Чичагов, «в структурном отношении древнерусские именованья были различны. Они могли состоять из одного слова, из двух, трех и даже многих слов»¹. Для нашего периода эти слова также справедливы, так как формула именованья развивалась, претерпевала изменения, и структура различных именованья оказывалась разной по числу компонентов.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению материала, следует оговорить, что в этом и в последующих разделах примеры антропонимов даются в минимальном контексте, а, следовательно, имя может находиться не в исходном именительном падеже (то есть фиксируется словоформа имени). Контекст дается для того, чтобы можно было в полной мере рассмотреть те или иные особенности именованья (или формулы именованья), а также особенности его функционирования в тексте.

Еще одной особенностью классификации материала является то, что компоненты той или иной формулы именованья могут быть переставлены местами, что не будет являться нарушением модели именованья (например, в категории «Имя+Отчество+Фамилия» отчество и фамилия отдельного лица могут быть переставлены местами).

В исследуемом памятнике можно выделить несколько частотных структурных типов антропонимов:

1) Антропоним, состоящий из одного элемента – Имя

Например:

Владыку Иоанна (Дв., с. 148.²);

Заволочана же убиша з городка Левушку (Дв., с. 148);

Приехал на Двину новгородцкой митрополит Никон (Дв., с. 154);

Архимандрит Иосиф (Дв., с. 156);

¹ Чичагов В.К. Указ. соч. С. 9.

² Здесь и далее в скобках указывается сокращенное название источника, из которого взят для примера антропоним, через запятую указывается страница текста по изданию, на которой встречается данный пример.

Игумен Макарий (Дв., с. 157);
Да дияка Самуху (Хл., с. 126);
Да попа Феодора (Хл., с. 126);
И Суздальский епископ Нифонт (Хл., с. 127);
Великую княгиню Елену (Хл., с. 129);
И Петра пушечника, и иных мастеров (Хл., с. 129);
Да Федька писаря (Хл., с. 133).

В количественном отношении примеры со структурой «Имя» распределяются неравномерно между летописями. В Двинском летописце мы находим только 14 примеров употребления антропонимов этой структуры, а в Холмогорской летописи – 49. Разница объясняется тем фактом, что на более раннем этапе развития антропонимов (Холмогорская летопись) такая структура имела большее распространение. Позднее, уже в период рубежа XVII-XVIII веков, наблюдается переход от именованного только именем к именованию лица именем и фамилией, именем и отчеством, то есть повышается употребление двучленной формулы именованного. Кроме того, еще одним объяснением такого количественного различия антропонимов этой структуры может служить характер описания событий в летописях. Двинской летописец носит светский характер и изобилует бытовыми подробностями, в краткой его редакции не представлены сведения по церковной истории¹, в то время как рассматриваемая структура «Имя» наиболее характерна для именованного лица, принадлежащего именно к церковному сану (о чем будет более подробно сказано в параграфе 1.3.).

Важно отметить, что практически все женские имена, которые встретились в севернорусских летописях, принадлежат именно структуре «Имя». Из 9-ти женских именованных писец использовал одночленную формулу в 8-ми случаях (Ср. *Дщерь свою Алену обручал (Хл., с. 129); А на Москвы оставил у великие княгини Софьи (Хл., с. 132); Князь великий постриг великую княгиню Соломаниду (Хл., с. 136); Именем Настасию (Хл.,*

¹ Богданов А.П., Зиборов В.К. Указ. соч. С. 244.

с. 137) и т.д.). По такому небольшому объему материала трудно судить о причинах подобного употребления антропонимов, однако можно выдвинуть предположение, что женские имена развивались не совсем так, как мужские – им понадобилось больше времени, чтобы обзавестись двух- и трехчленными формулами именованья. Кроме того, исходя из соотношения количества мужских и женских личных имен в тексте севернорусских летописей, при подавляющем большинстве первых можно отметить, что представленные летописи имеют андроцентрическую модель текста.

2) Антропоним, включающий Имя+Отчество

Например:

*К великому князю **Василью Димитриевичю** (Дв., с. 148);*

*Князь великий **Иван Васильевич** (Дв., с. 149);*

*При государи царе и великом князе **Феодоре Ивановичи** всеа Руси (Дв., с. 151);*

*А после Кира при царе **Борисе Федоровиче** всеа Руси (Дв., с. 151);*

*Отъиде в вечное блаженство небесного царствия благочестивый государь царь и великий князь **Алексей Михайлович** всеа Великия и Малыя и Белья России самодержеца (Дв., с. 159);*

*Да князя **Семена Романовича** (Хл., с. 125);*

*Послал князь великий на Волок того ж часу боярина своего **Данила Ивановича** и велел ему у себя быти (Хл., с. 128);*

*Тое ж осени приидоша с Печеры **Андрей Петрович** (Хл., с. 128);*

*Поиде князь великий **Иван Васильевич**, а с ним внук его князь **Дмитрей Иванович** (Хл., с. 132);*

*Князь **Андрей Иванович** (Хл., с. 135).*

Такого рода антропонимы встречаются в летописях в сравнительно небольшом количестве (30 употреблений). Можно отметить, что антропонимы такой структуры употребляются лишь в определенных случаях, что, безусловно, отчасти связано с социолингвистическим фактором (о чем

будет сказано в следующем параграфе). Кроме того, наименования лица с помощью структуры «Имя+Отчество» иногда не позволяют однозначно идентифицировать человека (из-за повторяющихся имен, полных и неполных тезок и т.д.), поэтому, вероятно, писец прибегает к более подробному именованию лица, не допускающему двусмысленностей. Расцвет же этой категории будет происходить позже, ближе к середине-концу XVIII века, но этот период уже не затронут в материале севернорусских летописей и, соответственно, не отображает подобных особенностей.

3) Антропоним, включающий Имя+Фамилию/Прозвище

Например:

Иван Лошинской (Дв., с. 148);

Со князем Василием Шуйским (Дв., с. 149);

Приказщики царя и великого князя, земские судьи Филип Родионов да Иван Макаров (Дв., с. 150);

Подьячий Кир Афанасьев (Дв., с. 151);

После Розгилдея был на Двине воеводою князь Дмитрий Бельской (Дв., с. 151);

Того ж лета Петр Фрязин поставил на Москве две стрелници (Хл., с. 125);

Послал Костянтина Малечкина (Хл., с. 129);

Приде посол из Волох Иван Питар (Хл., с. 131);

Некрасу Рудакову повелеша язык урезати (Хл., с. 134);

При наместнице князе Иване Шуском (Хл., с. 136).

Эта группа является самой многочисленной по количеству антропонимов (общее число контекстов – 145). Видно, что в исследуемых памятниках такая модель являлась весьма продуктивной: так могли именоваться лица, имеющие совершенно разный социальный статус, что, несомненно, говорит о популярности структуры «Имя+Фамилия/Прозвище». В период XVII-XVIII веков наблюдается переход от именованию только именем к именованию лица именем и фамилией, именем и отчеством. Эти

типы становятся более продуктивными, чем все остальные, что сближает антропонимическую систему XVII-XVIII веков с современной антропонимической системой.

4) Антропоним, включающий Имя+Номинацию по имени отца+Показатель родственных отношений

В этой группе мы наблюдаем картину, когда на втором месте в формуле стоит нерасчленимое структурное единство, обозначающее именование лица по отцу: напр.: [Иванов сын]. Термин родства «сын» всегда неразрывно связан со вторым элементом антропонима (образуется вышеупомянутое единство). Третий элемент в таких конструкциях не может быть однозначно отнесен к фамилии или отчеству, поэтому мы будем называть его «показателем родственных отношений».

Например:

Послал Василья Иванова сына Болтина (Дв., с. 149);

Дмитрей Иванов сын Темиров (Дв., с. 149);

Залешанин Микифоров сын Волохов (Дв., с. 150);

Писец Алексей Федоров сын Загряской (Дв., с. 151);

Дьяк Василей Яковлев сын Ларионов (Дв., с. 152);

Да Юшку Семенова сына Долгого (Хл., с. 126);

А по детей его послал того ж часу князя Василья Иванова сына Юрьевича (Хл., с. 128);

Да Щавья Скрябина сына Травина (Хл., с. 132);

Велел казнити детей боярских Володимера Гусева Елизарова сына (Хл., с. 132);

Да Ивана Иванова сына Хабарова (Хл., с. 136).

Такая формула именованя лица на период XVII-XVIII веков являлась устаревающей, поэтому использовалась не очень часто (22 употребления). Писец нечасто прибегает к наименованию лица подобным образом, избирая более продуктивные двучленные и трехчленные модели. Однако он пока еще

не до конца перешел на новую систему антропонимических именовании и продолжает использовать более старые и привычные модели.

5) Антропоним, включающий Имя+Отчество+Фамилию

Например:

*Писец *** Иван Петрович Заволоцкой (Дв., с. 149);*

Наместник князь Семен Иванович Микулинской (Дв., с. 149);

Были на Двине воеводы Иван Михайлович Ласкирев да князь Дмитрией Михайлович Борятинской (Дв., с.151);

Был на Двине воеводою Розгилдей Григорьевич Любочеников (Дв., с. 151);

Был на Двине воеводою Осип Савельевич Супонев (Дв., с. 151);

Послал князь великий х Казани воевод своих, князя Данила Дмитриевича Холмского, да князя Александра Васильевича Оболенского (Хл., с. 125);

Да с ним вместе отпустил своего посла князя Ивана Семеновича Кубенского (Хл., с. 133);

Послал в Казань посольством боярина своего окольного Ивана Григорьевича Поплевина (Хл., с. 135);

Князь Михайло Львович Глинской (Хл., с. 135);

Того ж году писец был на Двине Василей Иванович Молчанов (Хл., с. 138).

В севернорусских летописях писец активно использует трехчленную формулу именовании, особенно часто применяя ее по отношению к лицам с высоким социальным статусом (подробнее см. параграф 1.3.). Такая модель позволяет полностью идентифицировать лицо, исключая возможность спутать его с каким-либо другим человеком. Летописи отражают тенденцию своего времени – именно с XVII века активно начинают использоваться трехчленные формулы именовании лиц¹. Эта модель – одна из двух наиболее продуктивных, выделяемых нами в севернорусских летописях (после «Имя+Фамилия/Прозвище»). Она представлена 115 единицами, из которых 66 относятся к Двинскому летописцу и 49 – к Холмогорской летописи.

¹ Бондалетов В.Д. Указ. соч. С. 112.

Количественный перевес антропонимов в сторону Двинского летописца объясняется связью с социолингвистическим фактором – в Двинском летописце дано перечисление воевод Двинского края, к которым наиболее часто применялась трехчленная модель именования.

б) Антропоним, включающий

Имя+Отчество+Фамилию+Прозвище

Например:

Был на Двине воеводою Иван Васильевич Милюков Гусь (Дв., с. 151);

Был на Двине воеводою князь Дмитрий Петрович Пожарской Лопата (Дв., с. 153);

Да Григорья Васильевича Морозова Поплеву (Хл., с. 125);

А тогда послал на Углич своего намесника Ивана Васильевича Шадру Вельяминова (Хл., с. 128);

Под Выборгом убиша Ивана Андреевича Плещеева Суботу (Хл., с. 130).

Модель именования лица, содержащая четыре элемента, встречается крайне редко в обеих летописях. Подобную структуру мы можем вычленить только потому, что первые три ее члена уже составляют полное именование лица, так что последний, четвертый член, не может быть ничем иным, как прозвищем. В структурах типа «Имя+Фамилия/Прозвище» мы не можем однозначно разграничить прозвище и фамилию, потому что они бывают очень тесно связаны между собой: фамилия может выходить из прозвища, а прозвище появляться благодаря фамилии. В рассматриваемой структуре представлены оба этих компонента, поэтому разграничение становится возможным. Стоит отметить, что в подобных примерах выделяется именно прозвище, а не часть фамилии, так как писец сознательно разграничивает четырехкомпонентные структуры и структуры, где третий компонент представляет собой двойную фамилию (такие случаи относятся к категории «Имя+Отчество+Фамилия»). В примерах с двойной фамилией используется дефис, например: *Приехал на Двину стольник и воевода князь Василий*

Андреевичь Сонцов-Засекин (Дв., с. 154); Да князя Ивана Ивановича Пронскаго-Турунтая (Хл., с. 137); Да Федора Игнатъевича Салтыкова-Морозова (Хл., с. 137).

Структура «Имя+Отчество+Фамилия+Прозвище» является непродуктивной, выходящей из употребления. На две летописи встретилось только 5 подобных примеров. Прозвище, как правило, является избыточным элементом, так как наличие имени, отчества и фамилии уже позволяет однозначно идентифицировать лицо. Представляется, что прозвища в этот период развития структуры антропонима остаются лишь у самых запоминающихся личностей с какими-то характерными чертами.

7) Имя+Отчество+Номинация по географическому признаку:

Например:

От великого князя Ивана Васильевича Московского (Дв., с. 148);

Поиде ко Твери на князя Михаила Борисовича Тверскаго за его неправду (Хл., с. 125);

Князя Семена Борисовича Суздальскаго (Хл., с. 134);

Послал воеводу своего князя Александра Володимерича Ростовскаго (Хл., с. 134).

Наименования такого типа в первую очередь преследуют цель обозначить лицо с точки зрения его привязки к определенной местности (региону). Номинация по географическому признаку показывает связь лица с местностью, которая, несомненно, важна. Для писца важно показать, что конкретный человек связан с конкретным местом, поэтому иногда само место превращается в немаловажный компонент имени и срастается со своим владельцем. Такие именованья нечастотны и непродуктивны, они употребляются только при крайней необходимости связать владельца имени с определенной территорией.

8) Имя+Номинация по географическому признаку:

Например:

По тому протопопа Гаврила Софейскаго жидовствовать научи (Хл., с. 126);

Семион Резанский (Хл., с. 127);

Васиян Тверский (Хл., с. 127);

Прохор Сарский (Хл., с. 127);

Приехал владыка Серапион Смоленский в Новград Великий (Хл., с. 135).

Антропонимы, имеющие в своем составе привязку к местности, чаще употребляются без отчества – таких примеров мы встречаем в два раза больше, чем примеров с отчеством. Во многом это связано с социолингвистическим аспектом, так как привязка к местности применяется в подавляющем большинстве к лицам, связанным с церковью. Писцу бывает важно указать, священнослужителем какой области является тот или иной человек. Иногда при повторе имени компонент номинации по географическому признаку уходит из формулы наименования, превращаясь в обычное топонимическое обозначение (Например: первое употребление *Филофей Пермский (Хл., с. 127)*, второе употребление *Филофей епископ Пермский (Хл., с. 131)*. Подробнее об этом см. параграф 1.4.).

9) Имя+Номинация по географическому признаку/Фамилия+Прозвище:

Например:

А в Можгаеск князя Ивана Стародубскаго Телеляшку (Хл., с. 128);

Да князя Ивана Палецкого Хруля (Хл., с. 132);

Побил тех татар воевода князь Иван Тать Хрыпунов (Хл., с. 136);

Побили воеводы татар на Рязани, Иван Очин Плещеев (Хл., с. 136).

В представленной группе трехчленной структуры именования лица используется весьма специфический тип номинации. В моделях такого типа хорошо вычленяется прозвище – оно присутствует у лица помимо фамилии и может стоять либо на втором (*Побил тех татар воевода князь Иван Тать*

Хрыпунов (Хл., с. 136); Побили воеводы татар на Рязани, Иван Очин Плещеев (Хл., с. 136)), либо на третьем (*Да князя Ивана Палецкого Хруля (Хл., с. 132); А в Можаяск князя Ивана Стародубскаго Телеляшку (Хл., с. 128)*) месте формулы именованя. Кроме того, без специального исторического анализа установить тип номинации в примерах *Да князя Ивана Палецкого Хруля (Хл., с. 132)* и *А в Можаяск князя Ивана Стародубскаго Телеляшку (Хл., с. 128)* – фамилия это или номинация по местности – невозможно.

Анализируя материал, мы выясняем, что распределение антропонимов по структурным типам происходит неравномерно. Из девяти данных типов самыми продуктивными являются типы «Имя+Фамилия/Прозвище» и «Имя+Отчество+Фамилия» – подавляющее большинство антропонимов, встретившихся в тексте летописей, распределяются по этим моделям (65% антропонимов приходится на эти две группы). Немало примеров (в основном, благодаря Холмогорской летописи) мы находим в категории «Имя», что обусловлено сильной связью с социолингвистическим фактором (о чем будет сказано в следующем параграфе). Достаточно редко встречаются типы «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений» и «Имя+Отчество» – можно отметить, что такие структуры употребляются лишь в определенных, редких случаях, писец нечасто прибегает к именованию лиц подобным способом. В исключительных случаях в текстах летописей наблюдается номинация лиц с географической привязкой к местности – структуры «Имя+Отчество+ Номинация по географическому признаку» и «Имя+Номинация по географическому признаку». Наконец, совсем небольшое количество антропонимов относятся к структурам «Имя+Отчество+Фамилия+Прозвище» и «Имя+Номинация по географическому признаку/Фамилия+Прозвище», что указывает нам на непродуктивность этих типов, на то, что прозвища постепенно выходили из употребления в официальных документах, а к XVIII веку «прозвищные

имена полностью исчезают из деловой речи и продолжают функционировать только в неофициальной сфере»¹ (как и в наше время).

Таким образом, антропонимическая система XVII-XVIII веков постепенно сближается с современной антропонимической системой. В севернорусских летописях можно найти подтверждение словам В.Д. Бондалетова, который говорит о том, что в XIV-XVII вв. широко представлены двучленные именованья (такие как «Имя+Фамилия»)². Кроме того, антропонимическая система севернорусских летописей отражает и то, что «входили в употребление, особенно в XVII в., и трехчленные структуры»³. Как было упомянуто выше, тип «Имя+Отчество+Фамилия» является одним из самых продуктивных в тексте летописей. Таким образом, в севернорусских летописях отражены все основные антропонимические тенденции своего времени.

Такие выводы подтверждают слова С.И. Зинина о том, что именно в XVII-XVIII веках «наша современная антропонимическая система фактически сформировалась»⁴.

Севернорусские летописи находятся в состоянии перехода на новую систему, поэтому наряду с относительно новыми формулами именованья продолжают использоваться и устаревающие, отходящие в прошлое модели. Продолжают функционировать такие типы, как «Имя+Отчество+Фамилия+Прозвище» или «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений», которые в современном языке не используются.

При назывании лица писец стремится наиболее точно его обозначить, чтобы не спутать с кем-то другим (так как летопись – это официальный документ), поэтому он выбирает наиболее подходящую для этого структуру. При анализе антропонимической системы севернорусских летописей

¹ Чайкина Ю.И., Смольников С.Н. Указ. соч. С. 52.

² Бондалетов В.Д. Указ. соч. С. 111.

³ Там же. С. 112.

⁴ Зинин С.И. Указ. соч. С. 4.

становится видно, что номинация лиц зависит не только от продуктивных моделей именования, но и от социального статуса лица, его положения в обществе. Например, выбор между структурами «Имя+Отчество+Номинация по географическому признаку» и «Имя+Номинация по географическому признаку» главным образом зависит от социолингвистического фактора (структура «Имя+Номинация по географическому признаку» более применима к священнослужителям, чем к мирскому люду, в то время, как формула «Имя+Отчество+Номинация по географическому признаку» применяется в основном к князьям).

Подводя итог, мы можем сказать, что в структурном плане севернорусские летописи отражают основные антропонимические тенденции XVII-XVIII веков. Наравне с привычными двучленными формулами именования «Имя+Отчество» и «Имя+Фамилия/Прозвище» в обиход входит и трехчленная «Имя+Отчество+Фамилия», причем также продолжают использоваться и другие типы («Имя», «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений», «Имя+Отчество+Фамилия+Прозвище» и проч.). Безусловно, система сформировалась еще не до конца, но вектор развития севернорусских летописей вполне соответствует эпохе. В.Д. Бондалетов отмечает, что к XVIII в. русская антропонимия обзавелась «сложившейся трехчленной формулой именования, которая, однако, еще не была официальной и общей для всех классов и слоев русского общества»¹. Именно к рассмотрению связи структурных типов и социального статуса мы перейдем в следующем параграфе, так как рассмотрение структурного аспекта приобретает интерес только в связи с социолингвистическим аспектом.

¹ Бондалетов В.Д. Указ. соч. С. 112-113.

1.3. Социолингвистический аспект исследования антропонимов

Как писал С.И. Зинин, «несомненно, что и в XVII-XVIII вв. развернутая формула именованя лица в России находилась в большой зависимости от характера документа, а также от того, к какому классу, сословию принадлежал именуемый»¹. В исследуемых нами памятниках эти слова находят полное подтверждение. Трудно делать какие-то выводы только на основании рассмотрения структурных типов имен, но лишь только нам становится известен их «социальный» контекст, сразу же открываются некоторые закономерности в соотношении структуры имени и социального статуса лица, которое носит это имя.

В первую очередь следует сказать о том, что одно и то же лицо могло относиться к разным категориям в нашей классификации, так как в летописях мог указываться не только титул человека, но и его род занятий (церковный сан, воинская должность и т.п.). Например – *Были на Двине воеводы: стольник князь **Петр Ивановичь Пронской** да Мосей Федоровичь Глебов (Дв., с. 152)*. В данном случае антропоним «Петр Ивановичь Пронской» относится к трем категориям – князь (титул), стольник (должность) и воевода (воинская принадлежность). Следует отметить, что таких антропонимов в текстах летописей встречается немало, однако мы также находим большое количество примеров, относящихся лишь к одной группе (например: *Был на Двине воеводою **Дементей Семеновичь Погожей** (Дв., с. 153)* – у антропонима «Дементей Семеновичь Погожей» наблюдается только воинская принадлежность (воевода).

Необходимо упомянуть, каких социальных типов в тексте летописей больше, а каких меньше. Для Двинского летописца, безусловно, наибольшее количество антропонимов оказывается в категории «воеводы» (65 примеров), так как они играли очень важную роль в жизни города (им принадлежала гражданская, судебная и военная власть²), и описание деятельности воевод

¹ Зинин С.И. Указ. соч. С. 25.

² Титов Л.Л. Указ. соч. С. 13-15

занимало большую часть Двинского Летописца. Так как многие воеводы одновременно были князьями, категория «князья» также является довольно многочисленной (43 примера). Стоит упомянуть, что вместе с воеводами на Двинскую землю прибывали и дьяки (в качестве помощников) – таким образом, эта категория тоже представлена большим количеством антропонимов (38 примеров).

Наименьшим количеством личных имен представлены группы «посадник» (2 именованя), «приказчик, земской судья» (2 именованя), «посол» (2 именованя), «царь» (1 именоване), «стряпчий» (2 именованя), «архимандрит» (2 именованя), «игумен» (1 именоване), «поп» (1 именоване), «патриарх» (1 именоване), «архиепископ» (1 именоване), «полковник» (1 именоване). Категории «царевич», «протопоп», «дьякон», «епископ» и «чернец» можно выделить благодаря Холмогорской летописи, в которой обнаруживаются лица с такими социальными статусами. Во всех остальных категориях антропонимы представлены в средней мере (от 3-х именований до 24-х). Как мы видим, в большинстве случаев малочисленные группы составляют представители церковных санов, что, возможно, объясняется светским характером изложения, а также тем, что в краткой редакции Летописца еще не представлены сведения по церковной истории¹. Кроме того, иерархи церкви нечасто занимали гражданские должности управления.

Что касается Холмогорской летописи, то в этом памятнике ситуация несколько иная. В первую очередь Холмогорская летопись отличается от Двинского летописца тем, что в ней присутствует довольно большое количество священнослужителей. Безусловно, это влияет на распределение антропонимов как по структурным типам, так и по социолингвистическим. Кроме того, Холмогорская летопись является общерусской, поэтому главное ее внимание не сконцентрировано на перечислении воевод своего края. Исходя из этого, закономерным оказывается то, что наибольшим

¹ Богданов А.П., Зиборов В.К. Указ. соч. С. 244.

количеством антропонимов в Холмогорской летописи представлена категория «князья» (71 именование), а категория «воеводы» занимает только второе место (31 именование), уступая Двинскому Летописцу по этому показателю в два раза. Большое количество имен в Холмогорской летописи оказывается без социального статуса (57 примеров).

Наименьшим количеством личных имен представлены группы «царевич» (1 именование), «приказчик, земской судья» (2 именования), «окольничий» (1 именование), «игумен» (1 именование), «архиепископ» (2 именования), «протопоп» (2 именования), «дьякон» (1 именование), «чернец» (2 именования). Совсем примеров не содержат группы «государь царь и великий князь», «царь», «думный дворянин», «посадник», «подьячий», «стольник», «стряпчий», «патриарх», «стрелец» и «полковник» (эти группы отмечены только в Двинском Летописце). Во всех остальных категориях антропонимы представлены в средней мере (от 3-х именовании до 19-ти). В отличие от Двинского Летописца, в Холмогорской летописи не встречаются многие управленческие должности, что можно объяснить более пристальным вниманием к событиям церковной истории.

Перейдем к более полному рассмотрению материала каждой выделенной категории (а также связи социального статуса лица с формулой его именовании). Здесь уместно будет вспомнить слова В.К. Чичагова о том, что количество структурных компонентов имени зависело от многих причин, в частности, «от социального и семейного положения именуемого», от титула и т.п.¹. Севернорусские летописи подробно представляют «социальный» контекст антропонимам, на основании которого мы можем сделать определенные выводы.

Для удобства изучения антропонимов в социолингвистическом аспекте именовании были распределены на пять основных групп, внутри которых производится более дробное деление (материал подается по мере появления антропонимов с этими структурами в тексте):

¹ Чичагов В.К. Указ. соч. С. 9.

1. Титул

1) Великий князь/великая княгиня:

Например:

*К великому князю **Василью Димитриевичю** (Дв., с. 148);*

*Сыну великого князя **Димитрия Ивановича Донскаго** (Дв., с. 148);*

*От великого князя **Ивана Васильевича Московского** (Дв., с. 148);*

*Представись князь великий **Иван Ивановичь**, сын великого князя (Хл., с. 125);*

*Великую княгиню **Елену** (Хл., с. 129);*

*А на Москвы оставил у великие княгини **Софьи** (Хл., с. 132);*

*Приде великая княгини **Анна Рязанская**, сестра великаго князя **Ивана Васильевича** (Хл., с. 132);*

*Пожаловал сына своего князя **Василья**, нарек его государем великим князем (Хл., с. 133);*

*Князь великий постриг великую княгиню **Соломаниду** (Хл., с. 136).*

Эту категорию мы отделяем от категории «князь», так как они сознательно разделяются писцами. Титула «великого князя» удостоивались лишь самые именитые представители русского общества (старшие удельные князья или члены царской фамилии¹), поэтому эта категория имела значительные различия с категорией обычных князей.

Кроме того, наравне с великими князьями мы относим в эту категорию и великих княгинь, так как в этом титуле наблюдается оппозиция по гендерному признаку.

В севернорусских летописях мы встречаем 12 упоминаний этого титула. Интересно, что практически во всех случаях «великая княгиня» именуется именем, а «великий князь» – именем+отчеством (в двух случаях добавляется оттопонимическое прозвище – *Сыну великого князя **Димитрия Ивановича Донскаго** (Дв., с. 148)* (почетное именование-титул «Донской»

¹ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. А — Й. — М., 1999. С. 147.

было дано Дмитрию Ивановичу за победу в Куликовской битве); *От великого князя Ивана Васильевича Московского (Дв., с. 148)* (В классификации А.М. Селищева, это прозвище можно было бы охарактеризовать по значению основы как «прозвища по месту происхождения»¹). Можно сделать вывод о том, что в данной категории структура имени (одночленная формула именованья для женского пола и двучленная формула именованья для мужского пола) состояла в зависимости от социального статуса лица. После имени или имени и отчества могло стоять лишь оттопонимическое прозвище, но не фамилия великого князя или княгини.

2) Князь:

Например:

Приехал писать Двины князь Василей Андреевич Звенигороцкой (Дв., с. 151);

Был воеводою князь Борис Ивановичь Мезецкой (Дв., с. 151);

Князь Афанасей Вяземской (Дв., с. 151);

Князь Дмитрий Михайловичь Борятинской (Дв., с. 151);

После Розгилдея был на Двине воеводою князь Дмитрий Бельской (Дв., с. 151);

Поиде ко Твери на князя Михаила Борисовича Тверскаго за его неправду (Хл., с. 125);

Послал князь великий Иван рать свою на Вятку за их неисправление, князя Данила Васильевича Щеня (Хл., с. 125);

А по детей его послал того ж часу князя Василья Иванова сына Юрьевича (Хл., с. 128);

А у собя великая княгини остави в Вилне князя Василья Васильевича Ромодановского (Хл., с. 130);

А с ним послал в Казань князя Семена Даниловича Холмскаго (Хл., с. 131).

¹ См. об этом Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — М., 1948.

Е.П. Карнович замечает, что титул князя – самый древний титул на Руси. Он говорит, что «некогда в России был только один титул князя»¹. В тексте севернорусских летописей встречается большое количество лиц, имеющих такой титул. При этом они могут занимать всевозможные должности (управленческие и военные) – от стольника до воеводы (а иногда и совмещать эти должности, например: *Приехал на Двину воеводою стольник князь Иван Ивановичь Ромадановской (Дв., с. 154)*) – или же не занимать никакой должности. Структура имени у них также может различаться – мы находим примеры именованя князей как двучленной формулой (*Князь Василей Горбатой, брат суздальских князей (Дв., с. 148)*; *Князя Ивана Звенца (Хл., с. 132)*; *Князь Афанасей Вяземской (Дв., с. 151)* и т.д.), так и трехчленной (*Князь Дмитрий Михайловичь Борятинской (Дв., с. 151)*; *Князь Федор Михайловичь Киселев (Хл., с. 135)*; *Был на Двине воеводою стольник князь Иван Никитичь Хаванской (Дв., с. 154)* и др.). Выделим наиболее частые структурные типы именованя князей:

- 1) Имя+Отчество+Фамилия (60 примеров)
- 2) Имя+Фамилия/Прозвище (29 примеров)
- 3) Имя+Отчество (8 примеров)
- 4) Имя (7 примеров)
- 5) Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений (3 примера)
- 6) Имя+Номинация по географическому признаку/Фамилия+Прозвище (3 примера)
- 7) Имя+Отчество+Номинация по географическому признаку (3 примера)
- 8) Имя+Отчество+Фамилия+Прозвище (2 примера)

Как мы видим, самой частотной формулой именованя для князей является структурный тип «Имя+Отчество+Фамилия». Именно такое именоване лица наиболее характерно для княжеского титула в летописях,

¹ Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России. — СПб., 1991. С. 67.

что вполне соответствует развитию антропонимической ситуации в России XVII-XVIII веков, где в официальных документах для именованя людей высшего сословия использовалась развернутая формула. Употребление же других структурных типов при именовании лица княжеского титула значительно менее частотно.

В некоторых случаях именованя князей зависели от того, употреблены ли они в первый раз в документе или уже не в первый. Этот вопрос будет подробно рассмотрен в следующем параграфе нашей работы.

3) Боярин:

Например:

*Приехал на Двину на князь Иваново место Черкасского и ратным воеводою для опасения Архангельского города от рати немец боярин князь **Юрье Петрович Буйносов-Ростовской** (Дв., с. 154);*

*Боярин князь **Иван Никитичь Хованской** (Дв., с. 154);*

*Приехал на Двину думного дворянина на Афанасьево место Ивановича Нестерова воеводою боярин князь **Дмитрей Алексеевич Долгорукого** (Дв., с. 158);*

*Приехал на Двину воеводою боярин князь **Иван Андреевич Хованской** (Дв., с. 159);*

*Приехал на Двину воеводою боярин князь **Петр Иванович Хованской** (Дв., с. 159);*

*Послал князь великий на Волок того ж часу боярина своего **Данила Ивановича** и велел ему у себя быти (Хл., с. 128);*

*Послал в Казань посольством боярина своего окольного **Ивана Григорьевича Поплевина** (Хл., с. 135);*

*Послал царь князь великий бояр своих и воевод князя **Петра Михайловича Щенятева**, да князя **Ивана Ивановича Пронскаго-Турунтая**, да князь **Юрья Ивановича Пронского-Шемякина**, да **Федора Игнатьевича Салтыкова-Морозова** (Хл., с. 137);*

*Боярина своего **Василья Юрьевича Траханиота** (Хл., с. 137).*

Бояре в севернорусских летописях упоминаются в 23-х контекстах. В подавляющем большинстве случаев при именовании бояр используется трехчленная формула (20 из 23 случаев). Можно говорить о том, что бояре имели очень высокий социальный статус, из-за чего именовались полной, трехчленной формулой.

4) Государь царь и великий князь:

Например:

*За великого государя царя и великого князя **Алексея Михайловича** всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца (Дв., с. 154);*

*Отъиде в вечное блаженство небесного царствия благочестивый государь царь и великий князь **Алексей Михайловичь** всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец (Дв., с. 159);*

*Благословил на Московское государство сына своего благочестиваго государя царя и великого князя **Феодора Алексеевича** всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца (Дв., с. 159);*

*Учинился на царском престоле Московского государства государь царь и великий князь **Петр Алексеевичь** всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец (Дв., с. 160);*

*И державу восприяли обще великие государи цари и великие князи **Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь** всеа Великия, Малыя и Белья Росии самодержцы (Дв., с. 160).*

Было принято решение выделить этот титул в отдельный класс, так как он является нерасчленимой формой называния царя. Писец употребляет устоявшуюся формулу во всех восьми контекстах этого типа. Во многих случаях характер нерасчленимого единства носит практически все предложение (*Отъиде в вечное блаженство небесного царствия благочестивый государь царь и великий князь **Алексей Михайловичь** всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец (Дв., с. 159); Благословил на Московское государство сына своего благочестиваго государя царя и великого князя **Феодора Алексеевича** всеа Великия и Малыя и Белья Росии*

самодержца (*Дв., с. 159*); Учинился на царском престоле Московского государства государь царь и великий князь **Петр Алексеевич** всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец (*Дв., с. 160*). Эта категория сравнима с категорией «великий князь», являясь, по сути, ее расширенным типом. Как и в случае с «великим князем», для категории «государь царь и великий князь» стандартной можно назвать структуру именованя «Имя+Отчество» (представлена во всех 8 контекстах).

5) Царь:

Например:

А после Кира при царе Борисе Федоровиче всеа Руси (Дв., с. 151).

В этой категории мы находим 1 пример антропонимов, так как она является свернутой формулой категории «государь царь и великий князь». Однако сам факт того, что писец в одном месте свернул формулу до одного слова, может быть интересен. Можно предположить, что в этом случае мог сработать закон экономии речевых усилий, так как основная идея титула была передана (*А после Кира при царе Борисе Федоровиче всеа Руси (Дв., с. 151)*) без использования дополнительных громоздких конструкций.

б) Думной дворянин:

Например:

Приехал на Двину воеводою думной дворянин Иван Иванович Чадаев (Дв., с. 156);

Приехал на Двину воеводою думного дворянина на Иваново место Ивановича Чадаева думной дворянин Афонасей Иванович Нестеров (Дв., с. 158);

Приехал на Двину воеводою думной дворянин Федор Полуектович Нарышкин (Дв., с. 158);

Приехал на Двину воеводою думной дворянин Афанасей Иванович Матюшкин (Дв., с. 159);

Приехал на Двину воеводою думной дворянин Богдан Ордин-Нащокин (Дв., с. 159);

Думные дворяне – лица, «входившие в состав боярской Думы»¹. Примеров этого типа в текстах севернорусских летописей мы находим не очень много – всего пять контекстов. Интересно, что во всех пяти случаях мы видим совмещение титула («думной дворянин») с воинской принадлежностью («воевода»), причем везде используется трехчленная формула именованного лица. Как и в случае с «боярином», здесь наблюдается зависимость высокого социального статуса именуемого от формулы его именованного (необходимость использования полной формулы).

б) Царевич:

Например:

*Наречен во святом крещении **Петр** царевич (Хл., с. 134).*

Мы почти не встречаем примеров такого титула, потому что писец предпочитает указывать не титул сыновей великих князей и царей, а просто давать их имена (ср. *Того ж лета родися великому князю Ивану Васильевичю сын князь **Андрей** (Хл., с. 125); Родись великому князю сын князь **Юрье** (Хл., с. 136)* и т.п.). Указание у конкретного лица статуса «царевич» может означать его крайнюю значимость.

2. Должность

1) Посадник:

Например:

*Воеводы их: посадник **Тимофей Юрьевич**, Юрье Дмитриевич, Василей Синец (Дв., с. 148);*

*Новгородцы посадничеи дети **Исака Борецкого** (Дв., с. 148);*

Посадник – лицо, исполняющее деятельность правителя, начальника². В эту группу входят всего два примера. В обоих случаях используется двучленная формула («Имя+Отчество»).

2) Наместник:

Например:

¹ Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. Вып. 4. — М., 1977. С. 194.

² Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. Г.А. Богатовой. Вып. 17. — М., 1991. С. 152.

При наместнике князь Иване Шуйском (Дв., с. 149);

Наместники Василей Михайловичь Воронцов да Иван Васильевичь Полев (Дв., с. 149);

*При князе при ** наместнице Иване Кипрском (Дв., с. 149);*

Наместник князь Семен Ивановичь Микулинской (Дв., с. 149);

А тогда послал на Углич своего наместника Ивана Васильевича Шадру Вельяминова (Хл., с. 128);

А наместницы тогда беша в Новеграде князь Данило Александровичь Пенко (Хл., с. 132);

При наместницах при князи Даниле Щеняте (Хл., с. 134);

А во Пскове оставил два наместника, Григорья Федоровича, да Ивана Андреевича Челяднина (Хл., с. 135).

Наместники являлись «представителями светской <...> верховной власти», которым поручалось «управление каким-либо городом, округой»¹.

Эта категория насчитывает 14 примеров, где часть контекстов встречается как в Двинском летописце, так и в Холмогорской летописи (события начинают пересекаться). Например, в Двинском летописце: *При князе при ** наместнице Иване Кипрском (Дв., с. 149)*, а в Холмогорской летописи: *Погоре посад при наместнице Иване Купрьском (Хл., с. 137)*. Становится понятно, что речь идет об одном человеке, при именовании которого используется одна и та же структурная формула. Такие случаи мы не будем учитывать при описании продуктивности/непродуктивности той или иной модели.

Из тех именований, которые не совпадают между собой, мы наблюдаем следующую картину:

- 1) Имя+Отчество+Фамилия (5 примеров)
- 2) Имя+Фамилия/Прозвище (3 примера)
- 3) Имя+Отчество (2 примера)
- 4) Имя+Отчество+Фамилия+Прозвище (1 пример)

¹ Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 10. — М., 1983. С. 146.

Довольно трудно однозначно утверждать, какая модель наиболее продуктивна, так как мы имеем недостаточное количество контекстов, однако небольшой перевес в сторону развернутой формулы именованного лица наблюдается и в этой категории.

3) Писец, переписчик:

Например:

*Писец *** Иван Петрович Заволоцкой да Дмитрий Иванов сын Темиров (Дв., с. 149);*

Приехал писать Двины князь Василей Андреевич Звенигороцкой (Дв., с. 151);

Писец Алексей Федоров сын Загряской (Дв., с. 151);

Приехал Мирон Вельямидов с товарищи писать Двинской земли (Дв., с. 153);

Приехал на Двину переписывать дворов и всяких чинов людей Иван Философов (Дв., с. 154);

Приехал на Двину стольник Афонасей Денисов сын фон Висин да с ним подьячий Федор Замятнин переписывать на Двине и в Двинском уезде дворы и в них людей (Дв., с. 159);

Да Федька писаря (Хл., с. 133);

Того ж году писец был на Двине Василей Иванович Молчанов (Хл., с. 138);

Того ж лета послал царь князь великий на Двину другаго писца Василья Михайловича Гагина (Хл., с. 138).

В этой категории мы объединили наименования писцов и людей, которые приезжали (в основном на Двину) делать опись дворов и людей, так как их функции во многом были схожи. В данной группе используются глагольная номинация, так как употребление подобных глаголов во всех примерах свидетельствует о должности упоминаемых лиц.

Интересно то, что в этой категории представлена структура «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений» – из 11 именованных 3 имеют подобную структуру имени (в предыдущих

категориях мы наблюдали не более двух случаев такого наименования). Причем два наименования такой структуры принадлежат именно писцам (а не переписчикам): *Писец *** Иван Петрович Заволоцкой да Дмитрей Иванов сын Темиров (Дв., с. 149); Писец Алексей Федоров сын Загряской (Дв., с. 151)*. Нам представляется, что такая формула наименования была закреплена за людьми этой профессии (Для более точных выводов нужно большее число контекстов).

4) Приказчик, земской судья:

Например:

Приказщики царя и великого князя, земские судьи Филип Родионов да Иван Макаров (Дв., с. 150);

Приказчиками (приказщиками) именовались доверенные лица в каких-либо делах (в нашем случае – в судебных). Эти лица ведали по чьему-либо поручению «производственными, торговыми или иными делами»¹.

Эта категория немногочисленна, имеет всего два антропонима, которые относятся к структурному типу «Имя+Фамилия», что говорит о том, что данные лица не занимали высокий титул и не имели высокий социальный статус.

5) Посол:

Например:

Царь и великий Князь послал посла своего Осипа Непею (Дв., с. 150);

Посол стольник князь Петр Семенович Прозоровской (Дв., с. 155);

Да послал своих послов з женами: князя Семена Ивановича Ряполовскаго, да Михаила Яковлевича Русалку, да дьяка Василья Кулешина (Хл., с. 130);

Князь великий Иван послал к нему о том посла своего князя Василья Ромодановского (Хл., с. 133);

Посла великого князя Михаила Кляника (Хл., с. 134);

¹ Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. Г.А. Богатовой. Вып. 19. — М., 1994. С. 172.

*Государь послал посла своего князя **Василья Данильевича Пенкова** (Хл., с. 135).*

Так как послы могли происходить из различных социальных слоев, какую-то стандартную формулу именования они не имели. Это подтверждается и севернорусскими летописями. Мы находим 21 контекст с примерами этой категории антропонимов, в которых послами выступают совершенно разные по социальному статусу люди: *Князь великий Иван Васильевич послал <...> дьяка **Андрея Майка** (Хл., с. 130); Посол стольник князь **Петр Семенович Прозоровской** (Дв., с. 155).* Связи структурного типа с этой должностью мы проследить не можем, так как послом мог стать человек, имеющий практически любой социальный статус.

6) Подьячий:

*Подьячей **Рахманин Воронов** (Дв., с. 151);*

*Подьячей **Кир Афанасьев** (Дв., с. 151);*

*Подьячей **Бессон Ильин** (Дв., с. 151);*

*Подьячей **Меркурей Любоченинов** (Дв., с. 152);*

*Подьячей **Василей Истомин** (Дв., с. 157);*

Подьячие являлись представителями низших чинов приказной администрации и выполняли «под руководством дьяков основную делопроизводственную работу в центральных и местных учреждениях»¹.

Люди, имеющие эту должность, имели стандартную формулу названия – «Имя+Фамилия». Все шесть антропонимов этой категории представлены именно в таком виде. Здесь отлично наблюдается связь структуры имени с занимаемой лицом должностью.

7) Дьяк:

Например:

*Дьяк **Микифор Емельянов** (Дв., с. 151);*

*Дьяк **Путило Григорьев** (Дв., с. 152);*

*Дьяк **Василей Яковлев сын Ларионов** (Дв., с. 152);*

¹ Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. Г.А. Богатовой. Вып. 16. — М., 1990. С. 87.

Дьяк Костянтин Михайлов (Дв., с. 158);

Дьяк Лев Савлуков (Дв., с. 159);

Да дияка Самуху (Хл., с. 126);

Послал князь великий Иван Васильевич в Великий Новград к намесником своим дияка Василья Жука (Хл., с. 129);

Да дияка своего Ивана Телеша (Хл., с. 134);

И сожгоша их во клетце: дияка Волка Курицина (Хл., с. 134);

Да дияка Офонася Курицина (Хл., с. 135).

Дьяк – «должностное лицо, занимавшее ответственные посты в государственных учреждениях»¹.

Эта группа представлена большим количеством контекстов, и мы можем с большой долей объективности говорить о том, что для данной должности была свойственна двучленная формула именования – «Имя+Фамилия». Из 50 антропонимов лишь пять имеют иную структуру – *Дьяк Василей Яковлев сын Ларионов (Дв., с. 152); Да дияка Самуху (Хл., с. 126); Да дияков великого князя крестовых Истому и Сверчка (Хл., с. 127); Да дьяка Федорова сына Стромилова (Хл., с. 132)*, что можно рассматривать как исключения из правила. К тому же эти именования вполне удовлетворяют занимаемую лицами должность (у лиц, имеющих высокий социальный статус, структурные типы «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений» и «Имя» встречаются намного реже, чем у лиц менее титулованных, занимающих менее высокие должности).

8) Окольничий:

Например:

Окольничей и воевода князь Григорей Борисович Долгоруков (Дв., с. 152);

Приехал боярин на князь Юрьево место Петровича Буйносова-Ростовского окольничей князь Василей Григорьевич Ромодановской (Дв., с. 154);

¹ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. А — Й. — М., 1999. С. 460.

Приехал на Двину воеводою окольников Федор Васильевич Буторлин (Дв., с. 154);

Приехал на Двину воеводою окольников Борис Иванович Пушкин (Дв., с. 155);

Приехал на Двину воеводою окольников князь Осип Иванович Щербатой (с. 155);

Послал в Казань посольством боярина своего окольного Ивана Григорьевича Поплевина (Хл., с. 135).

Окольниковый – придворная должность, «в обязанности которого входило первоначально обеспечение путешествий князей и московских государей и представление им иностранных послов, а позднее – и другие поручения военного и гражданского характера»¹.

Так как должность окольного считалась довольно высокой и престижной, именование лиц, занимающих ее, должно было ей соответствовать. В севернорусских летописях это соблюдается неукоснительно – формула именованья во всех случаях является трехчленной («Имя+Отчество+Фамилия»).

9) Стольник:

Например:

Стольник князь Петр Иванович Пронской (Дв., с. 152);

Приехал на Двину воеводою на Григорьево место Плещеева стольник князь Василей Петрович Львов (Дв., с. 153);

Был на Двине воеводою стольник князь Иван Никитич Хаванской (Дв., с. 154);

Приехал на Двину воеводою стольник князь Иван Иванович Ромадановской (Дв., с. 154);

Приехал на Двину стольник князь Андрей Солнцов Засекин (Дв., с. 154).

¹ Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. Д.Н. Шмелева. Вып. 12. — М., 1987. С. 334.

Стольники занимали довольно высокое место в социальной иерархии, «они могли назначаться на воеводские, посольские, приказные должности»¹.

В большинстве своем столыниками были князья (в Двинском летописце), поэтому практически во всех контекстах мы имеем структурный тип «Имя+Отчество+Фамилия». В немногочисленных случаях мы можем также встретить в этой категории структурные типы «Имя+Фамилия» (*Привезли с Москвы на Колмогоры с приставом и с провожатыми столыника князь Михайла Лвова (Дв., с. 155)*; *Приехал с Москвы на Двину посланник столыник Петр Потемкин (Дв., с. 156)*) и «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений» (*Приехал на Двину столыник Афонасей Денисов сын фон Висин (Дв., с. 159)*; *Приехал на Двину столыник князь Иван княж Никитин сын Урусов (Дв., с. 160)*; *Приехал на Двину столыник князь Петр княж Григорьев сын Львов (Дв., с. 160)*), но это, скорее, исключения из правила.

10) Стряпчий:

Например:

Приехал с Москвы на Двину стряпчей Игнатей Андреев сын Волохов (Дв., с. 156);

Стряпчей Иван Обрасцов (Дв., с. 158);

Стряпчий – «должностное лицо, <...> выполнявшее различные обязанности при царском дворе»².

В этой категории мы наблюдаем только две структуры: «Имя+Фамилия» (*Стряпчей Иван Обрасцов (Дв., с. 158)*) и «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений» (*Приехал с Москвы на Двину стряпчей Игнатей Андреев сын Волохов (Дв., с. 156)*). Для более достоверных выводов в отношении этой должности нам не хватает контекстов.

3. Церковный сан

¹ Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. В.Б. Крысько. Вып. 28. — М., 2008. С. 88.

² Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. В.Б. Крысько. Вып. 28. — М., 2008. С. 203.

Во всех именовании этой группы в Двинском летописце используется структурный тип «Имя», так как для представителей церковных должностей такая структурная модель имени была преобладающей в XVII-XVIII веках. Мы не видим ни одного отклонения от подобной модели. Кроме того, на каждую категорию в Двинском Летописце приходится не более трех контекстов. Малое количество примеров группы «церковный сан» в Двинском летописце можно объяснить тем, что он носит светский характер изложения и не углубляется в детали церковных событий, подробно описывая лишь деятельность воевод Двинской земли.

Однако Холмогорская летопись дает нам более полный перечень антропонимов в группе «церковный сан». Помимо модели «Имя» мы встречаем и другие модели – например, «Имя+Фамилия/Прозвище» или «Имя+Номинация по географическому признаку».

1) Митрополит:

Например:

*Приехал на Двину новгородцкой митрополит **Никон** (Дв., с. 154);*

*А Ехал в Соловецкой монастырь по мощи чудотворца **Филиппа** митрополита (Дв., с. 154);*

*Преосвященный **Афанасий** митрополит архиепископ (Дв., с. 163);*

*Сия быша в лета **Геронтия** митрополита (Хл., с. 127);*

*Поставлен бысть митрополит **Симон**, игумен Троецкой Сергиева монастыря (Хл., с. 131);*

*Поставили на Москве митрополита **Макарию** (Хл., с. 136).*

Все 6 примеров содержат модель «Имя», в этой категории не наблюдается варьирования в формуле именованного лица. Одночленная формула была общепринятой для именованного митрополитов, что неукоснительно соблюдается в севернорусских летописях.

2) Архимандрит:

Например:

*Архимандрит **Иосиф** (Дв., с. 156);*

Архимандрит Макарий (Дв., с. 157);

Поставлен бысть архиепископ Великому Новуграду и Пскову архимандрит чудовский Генадей (Хл., с. 125);

От черньцов же некоего нареку архимандрита, но свинью, радующеся калу блудному, именем Зосиму (Хл., с. 127);

При архимандритстве Афонасье Щедраго (Хл., с. 132);

В Новеграде Великом сожгоша архимандрита юрьевского Касьяна (Хл., с. 134).

В большинстве примеров также соблюдается одночленная формула именования. Однако в одном случае мы видим отход от общей тенденции: *При архимандритстве Афонасье Щедраго (Хл., с. 132)*. Использование в конкретном примере формулы «Имя+Фамилия/Прозвище», скорее всего, указывает нам на определенное качество названного лица. Присваивание прозвищ церковным деятелям нетипично, но оно вполне возможно. Впрочем, это исключение может быть рассмотрено и как фамилия – однозначно ответить на этот вопрос мы не можем.

Стоит сказать, что в категории «архимандрит» мы не встречаем оттопонимических прозвищ – писец предпочитает использовать для описания происхождения лица другие модели.

3) Игумен:

Например:

Игумен Макарий (Дв., с. 157);

И благословил княжну из Пречистые Симон игумен Троецкой, понеже митрополита не было (Хл., с. 130).

В этой категории мы находим всего 2 употребления, в которых используется формула «Имя».

4) Поп:

Например:

Посланы з Двины в Соловецкий монастырь для уговору соловецких мятещиков колмогорского Спаского собора Кирил да съезжей избы подьячей

*Василей Истомин. И соловецкие мятежики великого государя грамоту у них приняли, а их, **попа** и подьячего, из монастыря выслали з бещестием (Дв., с. 157);*

*Сей пришед в Новград, и прельсти **попа Диониса**, и в жидовство отведе (Хл., с. 125);*

*И отца его **попа Максима** (Хл., с. 126);*

*А се суть имена их: **попа Григорья** (Хл., с. 126);*

*Да **попа Феодора** (Хл., с. 126);*

*Да **попа Василия Покровских** (Хл., с. 126);*

*Да **попа Якова Апостольского** (Хл., с. 126);*

*Да **попа Ивана Воскресенского** (Хл., с. 126);*

*Да **попа Наума** (Хл., с. 126);*

*Великого князя **поп Фома** по греческому закону един (Хл., с. 130).*

Категория «поп» практически не представлена в Двинском летописце, однако в Холмогорской летописи мы находим некоторый материал, позволяющий нам строить предположения.

Большая часть антропонимов имеет модель «Имя» (7 примеров), что указывает нам на продуктивность этой формулы именованья. Также мы находим три случая, когда используется двучленная формула: «Имя+Фамилия/Прозвище», причем в этих случаях мы не можем однозначно интерпретировать второй член формулы. Однако весьма любопытно, что все эти «Фамилии/Прозвища» имеют прямое отношение к церкви и религии. Представляется маловероятным, чтобы у попов могли обнаружиться обычные мирские фамилии.

Таким образом, для данной категории были возможны не только употребления имен с одночленной формулой, но и некоторые другие категории, не выходящие за рамки дозволенного при служении в церкви.

5) Патриарх:

Например:

*По упрошению великаго господина святейшаго **Иоакима** патриарха московского и всеа Росии (Дв., с. 157).*

В этой категории обнаруживается только 1 контекст, в котором употреблена структура «Имя».

6) Архиепископ:

Например:

*Приехал на Двину преосвященный **Афонасий** архиепископ Колмогорский и Важский (Дв., с. 161);*

*Поставлен бысть архиепископ Великому Новуграду и Пскову **Генадие** (Хл., с. 127);*

*Повелением державнаго собрашась епископи, архиепископ Ростовьский **Тихон** (Хл., с. 127).*

Три контекста не позволяют в полной мере описать особенности этой категории. Отметим лишь, что указание на местность, к которой принадлежит архиепископ, выступает в качестве описательного оборота, а не в качестве оттопонимического прозвища.

7) Протопоп:

Например:

*Дионис же приведе к нему протопопа **Алексея** (Хл., с. 125);*

*По тому протопопа **Гаврила Софейскаго** жидовствовать научи (Хл., с. 126).*

В двух представленным контекстах используются две модели именования лиц. Для того чтобы сказать, какая из них была более продуктивна, нам не хватает материала.

8) Дьякон:

Например:

*Да диякона **Макара** (Хл., с. 126).*

Категория «дьякона» представлена в обеих севернорусских летописях лишь одним примером.

9) Епископ:

Например:

И Суздальский епископ Нифонт (Хл., с. 127);

Семион Резанский (Хл., с. 127);

Васиян Тверский (Хл., с. 127);

Филофей Пермский (Хл., с. 127);

Прохор Сарский (Хл., с. 127);

Аврамей епископ Коломенски (Хл., с. 131);

Силуян епископ Сарски (Хл., с. 131);

Поставлен епископ сарский Еуфимей, старец Сергеева монастыря (Хл., с. 132);

Поставлен епископ на Резани Протасей (Хл., с. 132).

Категория «епископ» представлена исключительно в Холмогорской летописи и насчитывает 9 примеров. Интересно отметить, что во многих случаях мы можем удостовериться, что представленное лицо является епископом, только при повторе антропонима (ср. первое употребление *Семион Резанский (Хл., с. 127)* и второе употребление *Семион епископ Резански (Хл., с. 131)*). Для представителей этой категории характерно то, что у них в том или ином виде всегда имеется привязка к определенной местности. В некоторых случаях такая привязка становится частью антропонима (*Васиян Тверский (Хл., с. 127)*), а в других она дается как топоним (*Аврамей епископ Коломенски (Хл., с. 131)*). Можно утверждать, что обе модели («Имя» и «Имя+Номинация по географическому признаку») являются продуктивными для данной категории, количество антропонимов с той и другой структурой приблизительно равно (5 для первой и 4 для второй соответственно).

10) Чернец:

Например:

Потом же привлекоша ко своей ереси черньца Захара (Хл., с. 127);

От черньцов же некоего нареку архимандрита, но свинью, радующеся калу блудному, именем Зосиму (Хл., с. 127).

Категория является слишком немногочисленной, чтобы на основании имеющихся примеров строить убедительные предположения.

4. Военная принадлежность

1) Воевода:

Например:

*Был на Двине воеводою он же князь **Василей Звенигороцкой** (Дв., с. 151);*

*Был воеводою князь **Борис Ивановичь Мезецкой** (Дв., с. 151);*

*Были на Двине воеводы **Иван Михайловичь Ласкирев** да князь **Дмитрей Михайловичь Борятинской** (Дв., с. 151);*

*Был на Двине воеводою **Розгилдей Григорьевичь Любочеников** (Дв., с. 151);*

*После Розгилдея был на Двине воеводою князь **Дмитрей Бельской** (Дв., с. 151);*

*Того ж лета июня послал князь великий посла своего ко **Степану** воеводе в **Волохи** (Хл., с. 131);*

*Послал князь великий воевод своих из **Новаграда** князя **Василья Ивановича Косого** (Хл., с. 132);*

*Послал воеводу своего князя **Александра Володимерича Ростовскаго** (Хл., с. 134);*

*Царь же князь великий отпустил воевод своих, **Ивана Шереметева** со многими детми боярскими двора своего (Хл., с. 138);*

*Послал царь князь великий воеводу своего **Данила Федоровича Адашева** (Хл., с. 138).*

Воеводы представляли «высшую (чаще военную) власть на местах»¹.

Категория «воеводы» представлена наиболее ярко в Двинском Летописце. В тексте памятника мы находим около 60 контекстов этой категории, что дает нам возможность наиболее полно и точно ее описать. В тексте Холмогорской летописи таких примеров мы находим чуть меньше (31 пример), однако и здесь их достаточно, чтобы дополнить общую оценку этой

¹ Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. Вып. 2. — М., 1975. С. 261.

категории в севернорусских летописях. Контексты дают нам такие структурные типы, как:

- 1) Имя+Отчество+Фамилия (72 именованя)
- 2) Имя+Фамилия/Прозвище (8 именованя)
- 3) Имя+Отчество (5 именованя)
- 4) Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений (3 именованя)
- 5) Имя+Отчество+Фамилия+Прозвище (2 именованя)
- 6) Имя+Номинация по географическому признаку/Фамилия+Прозвище (2 именованя)
- 7) Имя+Отчество+Номинация по географическому признаку (1 именованя)
- 8) Имя (1 именованя)

Подавляющее большинство антропонимов имеют трехчленную формулу именованя «Имя+Отчество+Фамилия», так как люди, которые становились воеводами, практически всегда были князьями, боярами, думными дворянами и т.п. К тому же, так как воеводам принадлежала гражданская, судебная и военная власть¹, они занимали очень высокий пост в общественной жизни, так что сама должность располагала к полному наименованю лица (даже когда человек не имел княжеского или боярского титула, например: *Был на Двине воеводою Родион Власьевич Всеволоцкой (Дв., с. 151); Был на Двине воеводою Тимофей Матвеевич Лазарев (Дв., с. 151); Был на Двине воеводою Иван Микифорович Чепчюгов (Дв., с. 151) и т.д.*).

2) Стрелец:

Например:

Послал на Емецкое сотника стрелецкого Смирного Чертовского да с ним с Архангельского города стрельцов сто человек (Дв., с. 152);

Голова стрелецкой Петр Дементьев сын Образцов (Дв., с. 154);

¹ Титов Л.Л. Указ. соч. С. 13-15.

*Голова московских стрельцов **Афанасий Левшин** (Дв., с. 155);*

*Полуголовы московских стрельцов **Василей Чадуев да Иван Молчанов** (Дв., с. 156);*

*Приехал на Двину голова московских стрельцов **Клементей Алексеев сын Иевлев** (Дв., с. 156).*

Стрелец в XVI-XVII веках – «воин особого постоянного войска, пользовавшегося специальными служебными и хозяйственными привилегиями»¹.

В тексте севернорусских летописей встречается шесть употреблений антропонимов этой категории. Интересно, что внутри этой категории можно выделить несколько подтипов стрельцов:

а) Стрелецкий сотник (*Послал на Емецкое сотника стрелецкого **Смирного Чертовского** да с ним с Архангельского города стрельцов сто человек* (Дв., с. 152));

б) Голова стрельцов (*Голова стрелецкой **Петр Дементьев сын Образцов** (Дв., с. 154); Голова московских стрельцов **Афанасий Левшин** (Дв., с. 155); Приехал на Двину голова московских стрельцов **Клементей Алексеев сын Иевлев** (Дв., с. 156));*

в) Полуголова стрельцов (*Полуголовы московских стрельцов **Василей Чадуев да Иван Молчанов** (Дв., с. 156)).*

Ни в одном из контекстов стрельцы не именуется с помощью трехчленной формулы («Имя+Отчество+Фамилия»), даже если это головы московских стрельцов. Используются только два структурных типа: «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений» и «Имя+Фамилия». Можно предположить, что к стрельцам как к военным было неприменимо именование полной формулой – они являлись народной силой, поэтому не имели высокого социального статуса. Можно рассматривать военное искусство как своего рода ремесло (ср. *Загорелся двор у **Якушка Шаранова** колачника* (Дв., с. 153), где колачник,

¹ Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. В.Б. Крысько. Вып. 28. — М., 2008. С. 155.

ремесленник, также именуется типом «Имя+Фамилия»). Таким образом, выбор конкретного структурного типа («Имя+Фамилия» или «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений») был сознательным выбором писца.

3) Полковник:

Например:

*Сказано, что крепости быть комендантом полковнику **Матвею Бордовику** (Дв., с. 163).*

Здесь, на наш взгляд, просматривается та же закономерность, что и в предыдущей категории – полковник, как лицо военное, именуется двучленной формулой «Имя+Фамилия», несмотря на то что занимает пост коменданта крепости, который является довольно высоким (*Сказано, что крепости быть комендантом полковнику **Матвею Бордовику** (Дв., с. 163).*

5. Наименование лица без упоминания социального статуса

Например:

*Заволочана же убиша з городка **Левушку** (Дв., с. 148);*

*С новгородцы, с **Семеном Жадовским** и с **Михаилом Росохиным** (Дв., с. 148);*

*Повоеваша волость Борок **Ивановых детей Васильевича**, Емцу и Колмогоры пожгли (Дв., с. 148);*

***Иван Лошинской** (Дв., с. 148);*

*С матерю своею **Марфою** (Дв., с. 148);*

*А делал ея **Онтон Фрязин** (Хл., с. 125);*

*Научи **Григорья Тучина** жидовству (Хл., с. 126);*

*Да **Юшку Семенова сына Долгого** (Хл., с.126);*

*Того же лета князь великий послал на Печеру руды искати **Ивана** (Хл., с. 128);*

*Под Выборгом убиша **Ивана Андреевича Плещеева Суботу** (Хл., с. 130).*

В эту группу мы отнесли наименования лиц, не имеющих статуса в летописях или же являющимися обыкновенными людьми, ремесленниками,

незначительными для летописных событий персонажами. В большинстве своем у таких лиц обнаруживается структура «Имя», «Имя+Фамилия», реже встречаются «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений» и «Имя+Отчество+Фамилия». Другие структурные типы практически (или совсем) не встречаются.

Особо прокомментируем несколько интересных случаев. Например: *Князь же послал лутчих людей с Колмогор, **Фофана Макарова да Михаила Косицына да Анфилофья Посельского да Емельяна Епихова** (Дв., с. 150).* Если рассматривать термин «лучшие люди» в контексте истории, то можно проследить некоторую связь структуры данных в примере имен с социальным статусом «лучшие люди». Раньше «лучшими людьми» именовались люди богатые, знатные, уважаемые, граждане надежные и проверенные, как правило, высокого сословия¹. Таким образом, данный термин является синкретой, а структура имен у лиц, носящих этот статус, также будет определенной. Мы видим, что во всех антропонимах этого типа соблюдена структура «Имя+Фамилия», что отличает данных лиц от простых граждан, обыкновенных людей, однако не ставит их в один ряд с именами княжескими или боярскими.

Интересны также примеры: *Владыку **Иоанна** (Дв., с. 148); Приехал владыка **Серпион Смоленский** в Новгород Великий (Хл., с. 135); Поставлен владыка новгородцкой **Макарей** (Хл., с. 136).* Мы не можем отнести эти примеры к категории «церковный сан», так как термин «владыка» не используется самостоятельно, выступая как обращение «к лицам, наделенным высшей светской и духовной властью: князьям, патриархам, митрополитам»². Таким образом, мы не можем сказать точно, какой церковный сан носит указанное лицо.

Еще один интересный случай: *Загорелся двор у **Якушка Шаранова колачника** (Дв., с. 153).* Когда речь идет о простом ремесленнике (колачнике),

¹ Псковский областной словарь с историческими данными. / Под ред. И.С. Лутовиновой, М.А. Тарасовой. Вып. 17. — СПб., 2005. С. 243.

² Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. Вып. 2. — М., 1975. С. 212.

писец употребляет неполное имя, хотя неполные имена воспринимались в XVII-XVIII веках как «менее документальные»¹. К концу XVII века от таких «полуимен» составители официальных бумаг старались отказываться². Как мы видим, в севернорусских летописях такая тенденция также соблюдается, однако неполные имена всё же еще остаются в совсем небольших количествах (всего обнаруживается 7 случаев таких употреблений), например: *Заволочана же убиша з городка Левушку (Дв., с. 148)*; *Потом же Алексей научи многих жидовству, еще ж и зятя своего Ивашка (Хл., с. 126)* и т.д.

Подводя итоги социолингвистического анализа, мы можем сделать несколько выводов:

1) Формула имени в большей степени зависит от титула, чем от должности.

2) Продуктивный структурный тип «Имя+Отчество+Фамилия» чаще всего встречается при именовании лиц, занимающих высокие должности или имеющих высокие титулы, такие как воеводы и князья.

3) Структура «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений» становится всё менее продуктивным типом, она встречается в основном у лиц, занимающих невысокие должности (такие как писцы).

4) Структура «Имя» присуща либо лицам церковных санов, либо обычным горожанам и людям без определенных титулов. Кроме того, практически все женские имена имеют именно эту структуру. Любопытно отметить, что женские имена могут быть обнаружены в севернорусских летописях либо в качестве «великих княгинь» (5 примеров), либо совсем без социального статуса (4 примера).

5) Структура «Имя+Отчество» в большей степени употребляется для именовании лиц знатного происхождения, царей и великих князей.

¹ Закачичкова Т.А. Русская антропонимия XVI-XVII вв. (На материале памятников деловой письменности). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1979. С. 16-17.

² Бондалетов В.Д. Указ. соч. С. 110.

6) Структура «Имя+Фамилия» может употребляться для именовании людей, занимающих средние управленческие, военные и рабочие должности, такие как «дьяки», «подьячие», «наместники», «стрельцы» и т.п.

7) Структурный тип «Имя+Отчество+Фамилия+Прозвище» практически вышел из употребления, употребляется крайне редко.

8) Структурный тип «Имя+Отчество+Номинация по географическому признаку» выявлен исключительно у князей и великих князей.

9) Структурный тип «Имя+Номинация по географическому признаку», как правило, применяется к лицам, имеющим церковный сан, привязка к местности служит своеобразным ориентиром, позволяющим отнести то или иное лицо к определенному региону.

Зависимость имени от контекста, а также изменение формулы именовании при повторе антропонима будет рассмотрена в следующем параграфе данной работы.

1.4. Функциональный аспект исследования антропонимов

Кроме того, что именование зависело от социального статуса именуемого, оно могло зависеть «от характера документа, в котором именование употреблено, от того, первый раз употреблено то или иное имя в документе или не первый раз»¹. В севернорусских летописях некоторые именования претерпевают изменения в различных контекстах – писец употребляет именование в более сокращенном (или, наоборот, развернутом) виде, изменяется фонетическое звучание имени и т.д. Рассмотрим подробнее интересующие нас случаи.

Как правило, в севернорусских летописях наиболее развернутая формула имени употребляется при первом упоминании антропонима в тексте. При повторном же упоминании писец может давать уже неполную структуру имени, исключая некоторые его компоненты. Нами было выделено несколько частотных сокращений формулы имени:

1) Повторное употребление антропонима со структурным типом «Имя+Отчество+Фамилия» сокращается до «Имя+Фамилия» (в скобках дан контекст с повторным именовани^{ем}): *Приехал писать Двины князь **Василей Андреевичь Звенигороцкой** (Дв., с. 151) (Был на Двине воеводою он же князь **Василей Звенигороцкой** (Дв., с. 151)); Был воеводою князь **Борис Ивановичь Мезецкой** да подьячей Рахманин Воронов (Дв., с. 151) (После князя **Бориса Мезецкого...** Дв., с. 151)); *Князя **Василья Ивановича Косого** (Хл., с. 129) (Сына его князя **Василья Косого** (Хл., с. 133)); Князь **Михайло Лвович Глинской** (Хл., с. 135) (Пожаловал князя **Михаила Глинского** (Хл., с. 135))* и т.п. Этот тип прежде всего характерен для князей и воевод.*

Кроме того, подобная замена часто производилась в таких конструкциях, когда на место одного лица назначается другое: *Был на Двине воеводою стольник князь **Иван Никитичь Хаванской** (Дв., с. 154) (А на князь **Иваново место Хаванского** приехал на Двину воеводою стольник князь **Иван Ивановичь Ромадановской** (Дв., с. 154)); Приехал на Двину воеводою*

¹ Чичагов В.К. Указ. соч. С. 9.

стольник князь **Петр Семенович Прозоровской** (Дв., с. 155) (Стольник на князь **Петрово место Прозоровского** приехал на Двину воеводою стольник же **Иван Богданович Милославской** (Дв., с. 155)) и т.п.

2) Повторное употребление антропонима со структурным типом «Имя+Отчество+Фамилия» или «Имя+Фамилия» сокращается до «Имени». Такое сокращение довольно частотно и зависит исключительно от повтора антропонима (а не от должности или титула лица): **Князь Афанасей Вяземской** (Дв., с. 151) (**Князь Афанасей** (Дв., с. 151)); **Подьячей Кир Афанасьев** (Дв., с. 151) (**После Кира** (Дв., с. 151)); **А на Федорово место Волынского был на Двине воеводою Дементей Семенович Погожей** (Дв., с. 153) (**Воевода Дементей** (Дв., с. 153)); **Михаила Андреевича Плещеева** (Хл., с. 132) (**А Михаила послал о дружбе и о любви** (Хл., с. 132)); **Князь Федор Михайлович Киселев** (Хл., с. 135) (**За Федором в погоню** (Хл., с. 135)) и т.п.

3) Сокращение «Имя+Отчество+Фамилия» до «Имя+Отчество» отмечено только в Холмогорской летописи, причем оно используется гораздо реже, чем сокращения до «Имя+Фамилии» и просто до «Имени»: **Князь великий Иван Васильевич поимал боярских: князя Ивана Юрьевича Косого з детьми...** (Хл., с. 133) (**Князя Ивана Юрьевича** (Хл., с. 133)); **Послал царь князь великий воеводу своего Данила Федоровича Адашева** (Хл., с. 138) (**Данило же Федоровичь** (Хл., с. 138)). Можно предположить, что формула именованья «Имя+Отчество» была закреплена в основном за лицами царского круга (как мы помним, практически все антропонимы, имеющие структурный тип «Имя+Отчество», относились к «великим князьям» и «государям царям»), и использование таких сокращений могло сбить с толку читателей, поэтому писец нечасто прибегал к подобным именованьям.

4) Сокращение структурных типов «Имя+Отчество+Номинация по географическому признаку» и «Имя+Номинация по географическому признаку». Эти категории имеют в своей структуре весьма неустойчивый компонент именованья – оттопонимическое прозвище. Оно может довольно

свободно отсоединяться от имени лица, превращаясь в обычный топоним. Зачастую при повторах имен, в составе которых имеется привязка к местности, мы наблюдаем варьирование модели именования. Чаще всего, конечно, исчезает оттопонимический компонент, выходя за рамки формулы именования: *От великого князя **Ивана Васильевича Московского** (Дв., с. 148) (Князь великий **Иван Васильевич** (Дв., с. 149)); **Послал воеводу своего князя Александра Володимерича Ростовскаго** (Хл., с. 134) (Князь **Александр Владимерич** (Хл., с. 134)); **Семион Резанский** (Хл., с. 127) (**Семион епископ Резански** (Хл., с. 131)); **Васиян Тверский** (Хл., с. 127) (**Василей епископ Тверски** (Хл., с. 131)); **Филофей Пермский** (Хл., с. 127) (**владыка Филофей** (Хл., с. 128)). В одном случае при повторе привязка к местности сохраняется, и структура «Имя+Отчество+Номинация по географическому признаку» сокращается до «Имя+Номинация по географическому признаку», но это, скорее всего, исключение: *Поиде ко Твери на князя **Михаила Борисовича Тверскаго** за его неправду* (Хл., с. 125) (*князь **Михайло Тверской*** (Хл., с. 125)).*

Помимо примеров с сокращением модели именования зафиксированы случаи расширения формулы имени лица до более полной при повторном именовании. Таких случаев намного меньше, чем примеров сокращения. При повторном упоминании писец может доводить формулу именования до более полной, указывая не названные ранее компоненты. Приведем примеры такого расширения: *Дионис же приведе к нему протопопа **Алексея*** (Хл., с. 125) (*Попа **Диониса Архангельского*** (Хл., с. 127)); *И отца его попа **Максима*** (Хл., с. 126) (*попа **Максима Ивановскаго*** (Хл., с. 127)); *Да диякона **Макара*** (Хл., с. 126) (*Диякона **Макара Никольскаго*** (Хл., с. 127)); *А по князя **Бориса**, по брата своего, послал князь великий* (Хл., с. 128) (*Того ж лета преставись князь **Борис Васильевич**, брат великого князя* (Хл., с. 129)); *Давала тогды дщерь свою за князя **Федора за Бельского*** (Хл., с. 132) (*князя **Федора Ивановича Бельского*** (Хл., с. 133)); *Изымали князя **Ивана Бельского*** (Хл., с. 136) (*князя **Ивана Дмитриевича Бельского*** (Хл., с. 138)) и т.п.

Интересно, что в большинстве примеров развернутой формулы наблюдается указание на географический признак лица (обычно имеющего церковный сан), которое не было сделано писцом при первом именовании. Номинация по географическому признаку становится для писца важным элементом, который помогает регионально обозначить конкретное лицо, причастное к церкви.

Наряду с изменением формулы именовании при повторе антропонимов могут наблюдаться некоторые фонетические, графические и словообразовательные варианты имен, например: *Голова московских стрельцов Афанасий Левшин (Дв., с. 155) (Афанасей (Дв., с. 155)), Дьяк Алмаз Чистого (Дв., с. 155) (Дьяк Алмас (Дв., с. 155)), Приехал на Двину воеводою думной дворянин Федор Полуектовичь Нарышкин (Дв., с. 158) (Думной дворянин и воевода Федор Полуехтовичь Нарышкин на Колмогорах умре (Дв., с. 158)); За князя Василья Даниловича Холмского (Хл., с. 133) (князя Василья Данильевича Холмского (Хл., с. 134)); Дионис же приведе к нему протопопа Алексея (Хл., с. 125) (Деонис (Хл., с. 125)); Сия быша в лета Геронтия митрополита (Хл., с. 127) (Горонтию митрополиту (Хл., с. 127))* и т.д. Смыслового характера такие разночтения не носят, являясь, вероятно, отражением вариантов живого произношения писца.

Несмотря на некоторые изменения в структурном и фонетическом составе имен при повторях, чаще всего формула именовании лица остается неизменной. Безусловно, антропонимическая система севернорусских летописей подвергается некоторому варьированию (сокращению или, наоборот, расширению формулы) при повторном назывании лиц, однако в большинстве случаев она остается целостной и малоподвижной, плохо поддаваясь изменениям. Употребление имени не зависит от контекста, а определяется, главным образом, социальным статусом лица. Причем определенные структурные типы в большей или меньшей степени привязаны к определенным должностям, титулам, церковным санам, воинской принадлежности лиц.

2.1. Антропонимы севернорусских летописей в контексте эпохи

Заканчивая обзор материала севернорусских летописей, целесообразно подвести итоги разбора, а также сравнить антропонимическую ситуацию исследуемых памятников с контекстом их эпохи.

Напомним, что в XVII-XVIII веках «развернутая формула именованя лица в России находилась в большой зависимости от характера документа, <...> от того, к какому классу, сословию принадлежал именуемый»¹, структура именованя зависела «от того, первый раз употреблено то или иное имя в документе или не первый раз»².

Подтверждение этих слов находим мы и в материале севернорусских летописей. В антропонимах рассматриваемых памятников прослеживается сильная зависимость структуры имени с социальным статусом лица, а повторное использование одних и тех же имен может отчасти изменить формулу именованя лица.

Структурные типы имени также соответствуют состоянию эпохи – «широко представлены в XIV-XVII вв. двучленные именованя»; «входили в употребление, особенно в XVII в., и трехчленные структуры»³, где «основным компонентом <...> являлась фамилия»⁴. Всё меньше используется устаревающий тип «Имя+Номинация по имени отца+Показатель родственных отношений», практически исчезают структурные типы, имеющие в своем составе прозвище. На первый план выходит развернутая формула имени, которая является основной и в современности. В связи с этим, уместно будет вспомнить слова С.И. Зинина: «важным “скачком” был период XVII-XVIII веков, когда постепенное накопление элементов нового качества привело к серьезным изменениям

¹ Зинин С.И. Указ. соч. С. 25.

² Чичагов В.К. Указ. соч. С. 9.

³ Бондалетов В.Д. Указ. соч. С. 111-112.

⁴ Чайкина Ю.И., Смольников С.Н. Указ. соч. С. 85.

антропонимических единиц. Наша современная антропонимическая система фактически сформировалась в этот период»¹.

Таким образом, антропонимия севернорусских летописей встраивается в контекст эпохи, дополняя наши сведения об отражении именовании в региональных антропосистемах. Можно утверждать, что в рассматриваемых нами памятниках соблюден курс основных тенденций эпохи. Для получения дальнейших выводов требуется более полное изучение материала и рассмотрение других аспектов, таких как генетический, речевой, этимолого-словообразовательный и пр.

¹ Зинин С.И. Указ. соч. С. 4.

Заключение

Изучение антропонимики отдельных памятников русской письменности имеет большое значение – благодаря рассмотрению подобного материала проводится реконструкция обиходного языка, восполняются пробелы в истории русского литературного языка и русской исторической диалектологии, определяются особенности бытования антропонимов в различных контекстах.

Данное исследование затрагивает некоторые аспекты изучения русской антропонимии. Рассмотрение структурного, социолингвистического и функционального аспектов выявило основные тенденции развития антропонимов севернорусских летописей в XVII-XVIII веках. Выявленные антропонимы были подвергнуты первичной систематизации. Описание основных категорий антропонимов позволило выявить связь между характером именованного лица и его социальным положением, а также особенности функционирования формул именованного в различных контекстах. Материал анализируемого источника был соотнесен с общеантропонимической ситуацией эпохи. Это позволило сделать вывод о том, что материал севернорусских летописей в целом подтверждает данные других памятников письменности этого периода. Дальнейшие исследования в этом направлении возможны при расширении области применения материала и привлечении других аспектов. Такая перспектива может стимулировать дальнейшие разыскания в данном направлении.

Библиография

I. Источники:

Полное собрание русских летописей. Том 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. — Л., 1977.

1) Двинской летописец // Полное собрание русских летописей. Том 33. — Л., 1977. С. 148-164. — Дв.

2) Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. Том 33. — Л., 1977. С. 125-138. — Хл.

II. Научная литература:

1) Белова Н.А. Личные собственные имена в памятнике деловой письменности (на материале Переписной оброчной книги Вотской пятины 1500 г.). Дипломная работа (рукопись). — СПб., 1997.

2) Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. — М., 1963.

3) Богданов А.П. Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII в. Дис. ... канд. ист. наук (рукопись). — М., 1983.

4) Богданов А.П., Зиборов В.К. Летописец Двинской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 2: И — О / Отв. ред. Д.С. Лихачев. — СПб., 1993. С. 243-246.

5) Болховитинов Е. О личных собственных именах. — М., 1813, ч. LXIX, С. 16-20.

6) Бондалетов В.Д. Русская ономастика. — М., 1983.

7) Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. — М., 1978. С. 10-64.

8) Дьякова Н.С. Изменение в системе именовании жителей г. Устюжны Железнопольской в XVI-XVII вв. (по материалам сотных 1567, 1597 и 1626 гг.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2007.

9) Еремин И.П. Лекции по древней русской литературе. — Л., 1968.

- 10) Закащикова Т.А. Русская антропонимия XVI-XVII вв. (На материале памятников деловой письменности). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1979.
- 11) Зиборов В.К. Русское летописание XI-XVIII веков. — СПб., 2002.
- 12) Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию (Пособие для студентов-заочников). — Ташкент, 1972.
- 13) Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России. — СПб., 1991.
- 14) Коваленко А.Ю. Имена собственные в псковской деловой письменности (на материале «Подлинной писцовой книги города Пскова и его окрестностей» (1585-87 гг.)). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2003.
- 15) Комлева Н.В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI-XVII веков. Дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2004.
- 16) Королева И.А. Деловая письменность как основной источник изучения антропонимической лексики. — М., 2000.
- 17) Лаврентьев А.В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А.И. Мусина-Пушкина // ТОДРЛ. — Л., 1985. Т. 39. С. 323-334.
- 18) Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). — СПб., 2005.
- 19) Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М-Л., 1947.
- 20) Лурье Я.С. Летопись Холмогорская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV-XVI в.). Часть 2: Л — Я / Отв. ред. Д.С. Лихачев. — Л., 1989. С. 68-69.
- 21) Лурье Я.С. Холмогорская летопись // ТОДРЛ. — М-Л., 1970. Т.25. С. 135-149.
- 22) Мещерский Н.А. История русского литературного языка. — Л., 1981.

- 23) Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. — М., 1969.
- 24) Неволлина А.М. История антропонимов в разных типах Тотемской деловой письменности конца XVI – XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2011.
- 25) Никонов В.А. Личные имена в современной России. — Вопросы языкознания, 1967, № 6. С. 102-111.
- 26) Роспонд С. Структура и классификация древневосточно-славянских антропонимов (имена). — Вопросы языкознания, 1965, № 3. С 3-21.
- 27) Садохина Т.П. Структура, семантические особенности и орфография современных русских фамилий. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1981.
- 28) Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — М., 1948.
- 29) Сидоренко Е.Ю. Система русской региональной антропонимии начального периода становления русского литературного языка (на материале памятников деловой письменности XVII в. г. Тобольска). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2005.
- 30) Смольников С.Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI-XVII вв.: функциональные категории и модальные отношения. — СПб., 2005.
- 31) Смольников С.Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI-XVII веков). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Вологда, 2005.
- 32) Соловьев А.Н. Смоленская антропонимия конца XVI – XVII вв. (личные имена). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Смоленск, 2005.
- 33) Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. — СПб., 1877.
- 34) Титов Л.Л. Летопись Двинская. — М., 1889.

- 35) Тихомиров М.Н. Русское Летописание. — М., 1979.
- 36) Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. — Л., 1990.
- 37) Чайкина Ю.И. История вологодских фамилий. — Вологда, 1989.
- 38) Чайкина Ю.И. История лексики вологодской земли (Белозерье и Заволочье). — Вологда, 2005.
- 39) Чайкина Ю.И. Смольников С.Н. История русских личных имен, отчеств и фамилий. — Вологда, 2001.
- 40) Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. — М., 1959.

III. Справочная литература:

- 1) Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. — М., 1974.
- 2) Морошкин М. Славянский именовослов или Собрание славянских личных имен. — СПб., 1863.
- 3) Подольская Н.В. Антропонимика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. С. 36-37.
- 4) Псковский областной словарь с историческими данными. / Под ред. И.С. Лутовиновой, М.А. Тарасовой. Вып. 17. — СПб., 2005.
- 5) Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28. — М., 1975-2008.
- 6) Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. А — Й. — М., 1999.
- 7) Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. — СПб., 1893.
- 8) Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — СПб., 1903.